Кровь Севера

Автор:
Александр Мазин

Кровь Севера

Александр Владимирович Мазин

Викинг #3

Ульф Черноголовый, в прошлом – Николай Переляк, встает под знамя Ворона, знамя легендарного датского конунга Рагнара Лотброка.

Великий поход свирепых норманов, разоривших Западную Европу, будут помнить и через тысячу лет.

Но каково это – быть одним из героев-викингов, самых лучших и самых страшных воинов того времени?

И что будет, когда на истерзанную междоусобными войнами землю Европы прольется свежая кровь, кровь воинов Севера?

Пришла пора потомкам Карла Великого, считающим себя наследниками Великой Римской империи, платить дань истинным потомкам древних варваров!

Александр Мазин

Кровь Севера

Пролог

Ульф Черноголовый, так меня зовут здесь. Раньше у меня было другое имя, но это, пожалуй, мне больше по вкусу.

Я – хирдман, то бишь дружинник Хрёрека-ярла, Инглинга, которого еще называют Хрёреком Соколом. Мое законное место – на пятом слева руме главного Хрёрекова драккара, тоже именуемого Соколом. Красным. Пятый рум – не самое почетное место, но для меня – в самый раз, потому что весло здесь немного короче и полегче носовых, а я – мужчина скромных пропорций. Если сравнивать со стреднестатистическим викингом.

Что, впрочем, не мешает мне быть в норманской среде уважаемым человеком и более того, заполучить в невесты самую красивую (кто усомнится – обижу!) девушку датского острова Сёлунд. Правит данным островом величайший из норманских героев конунг Рагнар Лотброк, под чьим предводительством мы ныне и путешествуем. В направлении Франции. С неблагородной целью эту страну ограбить.

Лоцманом нашим в этом доходном (как мы все надеемся) предприятии работает полномочный посол аквитанского короля Пипина и сын аквитанского графа (по-ихнему – виконт) Жерар, который едва не стал причиной моей безвременной и очень неприятной смерти.

Впрочем, я его не виню. Парень не виноват, что прихоть судьбы одарила меня потрясающим сходством с одним из приближённых французского короля Карла Второго, прозванного Лысым. Ну да, того самого Карла Лысого, сына Людовика Первого Благочестивого и внука Карла Великого, которого мы и собираемся обидеть.

Впрочем, не мы первые. До нас его неоднократно обижали собственные братья Лотарь и Людовик, а он, в свою очередь, тоже наобижал массу народа. Например, вышеназванного Пипина, короля Аквитанского. Увы, во все времена и при любом социальном строе объем материальных благ всегда меньше, чем количество желающих эти блага заполучить. Так было и в двадцатом веке, в котором я появился на свет, так же – и в веке девятом от Рождества Христова, в коем мне дано отныне радоваться жизни.

Зато в этом легендарном времени дикого феодализма нет ни ханжеской морали, ни двойных стандартов. «Пришел – увидел – отобрал» – вот заповеди, которым следует и мой побратим-берсерк Свартхёвди Медвежонок, и христианский монарх Карл. Ничего личного, просто бизнес.

Но хватит социологии. Слева по борту – средневековая Франция.

* * *

Не обманул нас виконт Жерар, сын графа Бернара. Вывел нашу пиратскую флотилию к родному французскому берегу просто идеально. Ни одного корабля не потеряли.

А дальше наши пути разошлись. Вернее, разделились. Примерно половина северного воинства во главе с Рагнаром отправилась к устью Сены, а другая половина, водительствуемая Бьёрном Железнобоким, поплыла к устью Луары. Само собой, не наобум. С нами было несколько толковых лоцманов из свиты графенка.

Наш хирд присоединился к Бьёрну. Хрёрек-ярл вполне здраво рассудил, что рядом с такими драконами, как Рагнар и его сынок Ивар, нам достанутся исключительно объедки. А вот Бьёрн Рагнарссон, он мужик попроще. Кроме того, с Бьёрном отправился и Хальфдан Рагнарссон, младший сыночек Лотброка. Этот паренек тоже не промах. И хирд у него неплохой. Одна проблема: хочется парню самостоятельности. То есть работать в одном строю со старшим братом он не станет. Без крайней необходимости. Мы были не одиноки в выборе: к Бьёрнову войску присоединилась еще пара дюжин кораблей. Их экипажи – сборная солянка данов, норегов и прочих, примкнувших к великому походу и подобно Хрёреку сообразивших, что вместе с Бьёрном еще не значит – под Бьёрном. А вот с папой Рагнаром точно не забалуешь.

Так вот и получилось, что, пока первая группа лихо потрошила городки и монастыри в устье Сены, мы прошли морем еще чуток и добрались до Луары. Попутно некоторые из нас сделали попытку ограбить монастырь, расположившийся на макушке здоровенного острова[1 - Для интересующихся – монастырь на острове Мон-Сен-Мишель.], превращавшегося в полуостров во

время отлива, но только перемазались в грязюке и потеряли человек пять во время попытки без подготовки влезть на каменные стены с каменной же кручи.

– Когда встречаются жадность и глупость, у воронов – праздник, – оценил эту попытку наш кормчий Ольбард.

Мы прошли через Ла-Манш, обогнули Бретань, и наши замечательные лоцманы вывели нас к небольшой гавани городка, именуемого Ванн. Городок мы разграбили, но добычу взяли невеликую. Жители попросту удрали, унеся с собой всё самое ценное. Когда я говорю «мы», то имею в виду войско в целом, а не наш хирд в частности. Хрёрек-ярл с самого начала заявил, что поживиться нам не удастся. Мы шли в хвосте флотилии и могли рассчитывать лишь на жалкие объедки. Посему четыре наших драккара двинулись дальше и уже днем позже вошли в устье Луары. Первыми.

Это был серьезный бонус, потому что три быстрых драккара (кнорр, водительствуемый Хёдином Моржом, остался с основным войском) – это не огромная шумная флотилия. Скорость и скрытность – сильный козырь для таких разбойников, как мы.

Я говорю «мы», потому что такой же разбойник, как и остальные. Иначе – никак. Время такое. Или ты – мирный рыбак, внезапно услышавший плеск весел и увидевший, как из утреннего тумана на тебя надвигается оскаленный деревянный дракон, или – свирепый викинг, чей покрытый капельками росы шлем видит оцепеневший от ужаса бедолага за миг до того, как стрела опрокидывает его на воняющие рыбой сети.

Нас мало кто видел. А кто видел… Тому не повезло.

У нас не было местных проводников. Мы шли между камней и островов, полагаясь лишь на искусство кормчих. Мы не знали фарватер и потому, несмотря на всё мастерство Ольбарда, нам трижды приходилось стаскивать с мелей «Красного Сокола». Тем не менее мы поднялись почти на тридцать миль, не встревожив никого, кроме дюжины невезучих рыбаков, и встали на якорь в укромной протоке, отгороженной от основного русла полукилометровым зеленым островом. Наверное, это было волшебство, потому что ничем иным я не могу объяснить превращение огромных (по местным меркам) драккаров в призраки.

Впрочем, я так же легко могу поставить себя, скажем, на место французской крестьянки, которая, выйдя к реке сполоснуть котел из-под каши, вдруг обнаруживает скользящие мимо нее драккары. Могу представить, как она замирает в ужасе, забыв про котел (ценнейшая вещь для бедной семьи), и глядит на страшные корабли… Провожает их взглядом (если ей самой повезет остаться незамеченной), пока они не скроются за очередным мысом, а потом, спохватившись, бросается вылавливать забытый котел… И вряд ли ей кто-нибудь поверит, даже если она и расскажет об увиденном, потому что норманские корабли на Луаре еще не стали обыденным явлением, и, поведай она мужу о том, что видела на реке библейского Левиафана, доверия к ней было бы больше.

Но вернемся к нам, славным хирдманам Хрёрека Сокола.

Мы высадились, и волшебство, увы, закончилось. Вместе с маленькой деревенькой, на беду ее обитателей расположившейся на облюбованном нами месте. Викинги – практичные люди. Они редко убивают тех, кого можно продать или использовать. Так что примерно половина жителей осталась в живых. Никто не сумел скрыться. Соревноваться в скорости с норманами местным крестьянам даже не стоило.

Скорость – это главное. И часа не прошло с тех пор, как мы встали на якорь, а у драккаров осталось не больше полусотни викингов. Остальные, разбитые на поисковые команды, уже растекались по вожделенной земле франков, выискивая подходящую добычу: город, замок, монастырь… Словом, любое место, куда стекались материальные ценности. Быстрота, скрытность, эффективность. В драку не ввязываться. Без острой необходимости. Найти и доложить.

Искали все… Но повезло – нам.

Глава первая,

в которой герой встречает земляка

– Селение, – шепнул Руад. – Что будем делать, братья?

Варяг говорил по-датски, чтобы молодой Скиди тоже понимал, о чем идет речь.

Я осторожно выглянул из-за кустов. Ага! Вон луг, отделенный примитивной изгородью. По лугу разбросаны серые клубки шерсти – овцы. Вон пастух… с собачкой. Ветер дует на нас, так что пока собачка – не проблема. За лугом, повыше – какие-то строения. А еще повыше… Кажется, крепость?

– Может, это – Нант? – предположил Руад.

Варяг слышал об этом городе от «наших» аквитанцев. Нант, Анжер, Тур, Орлеан… Эти слова были музыкой для обветренных ушей викингов. Богатые города, набитые сокровищами церкви и монастыри… Каждый из тех, кто двинул в поход вместе с Рагнаром, был уверен, что по возвращении будет есть на золоте и спать на шелке. Мечты сбываются?

– Не думаю, что это – Нант, – произнес я, разглядывая далекие стены. – Мелковат. Но разведать не помешает.

То, что мы видели перед собой, выглядело неплохо. Мирная картина. Поля, виноградник, на лугу овцы пасутся. Чуть подальше из-за рощи не крест ли виднеется? Хорошо бы. Крест – это здешняя церковь? Нет, скорее монастырь. Церкви не строят наособицу. Тем более что в городке, до которого по прямой меньше двух километров, тоже церковь имеется. Даже я сквозь кулак могу вполне отчетливо крест разглядеть. Прямой крест. Католический. Впрочем, других тут и нет. А монастырь – это славно. Моим братьям понравится.

Так я думал тогда, потому что не знал, что такое – норманы в монастыре. В моих мыслях были только слава и добыча, что, впрочем, для викингов – одно и то же. Показать свою доблесть, заслужить одобрение друзей и ярла, острее ощутить себя членом команды. Непобедимой команды. Ну и на выходе – вернуться и бросить к ногам моей прекрасной невесты здоровенную кучу драгметаллов. В общем, я ощущал себя великим охотником в богатом дичью лесу. А вернее было бы – мясником на бойне.

Мои товарищи изучали городок.

– Воин, – сказал Рулаф, зрение которого было получше, чем у меня. – На стене.

– Точно! – жарким шепотом поддержал Скиди. – Не меньше трех. Я видел три блеска.

– Молодец! – похвалил Руад. – Я разглядел только одного.

Скиди зарумянился от похвалы.

Только я, слепошарый, не разглядел ничего. Зато у меня работает соображалка.

– Раз они в шлемах, значит, ждут нападения.

– Да ну! – пренебрежительно фыркнул Руад. – Это же франки. Они трусливее своих овец. И глупее. Наденут коровью шкуру с нашитыми железками – и думают, что от этого стали воинами.

– Что предлагаешь?

– Давай скрадем этого трэля, – жест в сторону пастуха овечьей отары, – да все у него и выспросим.

– А собака?

– Ты убьешь ее стрелой.

Ну да, ярл назначил меня старшим, значит, мне и достанется самое интересное. То есть самое рискованное.

– А если взвизгнет?

Вон по дороге телега тащится. И пара местных оборванцев на ближайшем поле что-то возделывает.

Если они увидят меня, нехорошо получится.

«Скрытность», – нас напутствовал ярл. Найти и доложить. Никаких драк.

– Сделаем по-другому, – на правах старшего решил я. – Сейчас я сниму доспехи и подойду к пастуху без всяких хитростей.

– Так он тебя и подпустит! – усомнился Руад.

– А почему нет? Или я похож на викинга? – Я стянул с головы шлем и взлохматил волосы.

– А может – я? – вмешался Скиди.

– Ты-то как раз похож. – Четырнадцатилетний Скиди был с меня ростом, а в плечах, пожалуй, и пошире. Здоровенный громила вырастет.

Не дожидаясь пока Руад подыщет еще какие-нибудь доводы против моей идеи, я начал разоблачаться. И уже по ходу сообразил, что если кто и способен сойти за простого землепашца в нашей компании, так это именно я. Потому что по въевшейся привычке выходца из двадцать первого века никогда не упускал случая позагорать. А вот мои друзья – нет. Потому загар у них был – ну примерно как у офисных работников. Лицо и кисти рук. Хорошенькие из них получились бы крестьяне… С бледными предплечьями и икрами.

Ну да ладно. Свернув бронь, оружие, ценности и прочее в увесистый тючок, я вручил его Скиди:

– Береги, дренг! Потеряешь – ввек не откупишься.

Паренек нагло ухмыльнулся:

– Когда тебя франки зажарят, я всё себе возьму. Добрая будет добыча!

Хряп! – Подзатыльник молодому прилетел от Руада быстрей, чем я рот открыл.

– Язык вырву! – посулил варяг.

До Скиди дошло, что мы не на пиру, и он скромно потупился. Теперь, если что пойдет не так, неудачу припишут его хулительным словам. Такие вот викинги суеверные ребята.

Я еще раз взлохматил гриву, напихал в бороду и волосы всякого растительного мусора и двинул на разведку.

Я вообще везучий. Но тут мне особенно повезло. Пастушок-раб оказался словенином. Это круче, чем вытянуть наугад из колоды пикового туза.

Мне повезло вдвойне, потому что, как выяснилось, идея моя была провальная.

Воина во мне пастушок опознал сходу. По исподнему, которое, по крестьянским меркам, стоило целое состояние. По качественному телосложению, по манере двигаться и держаться. По ловкости, с которой я пинком устранил с дороги злобного кобеля. Словом, облажался.

На будущее надо учесть: пришибленный вид и пугливый взгляд – непременные атрибуты европейского простолюдина. И так просто его не изобразить. Это в Дании простой землепашец выглядит полноценным гражданином. Здесь, в слабопросвещенной Европе девятого века, простолюдин – это по сути тот же раб. Достоинством чуть выше навозной кучки.

Короче, если я еще раз захочу выдать себя за бедного франка, то спину надо горбить, морду прятать, руки тоже прятать, потому что по одним только мозолям во мне сразу признают не только воина, но и викинга. Ведь здешняя знать греблей себя не изнуряет. Короче, плохая была идея. Лучше бы уж я под знатного франка косил. Или нищего. Или монаха.

Кстати, о монахах. Я не ошибся насчет креста.

За ближайшим леском размещался монастырь. Аккуратно так располагался – с реки не увидишь. И вот моя третья удача. Словенин-пастушок звался Вихорьком. И он оказался рабом именно монастырским.

С виду Вихорьку было лет одиннадцать-двенадцать. И на самом деле – столько же. Ничего так мальчишка, крупный. Только тощий. В монастыре отощал. До того пацанчик, считай, в семье жил. Мать его была наложницей богатого бондаря аккурат из того милого городка, который возвышался над окрестностями. Как попал во Францию, паренек не помнил. Продали вместе с

матерью в совсем юном возрасте. От матери Вихорёк и языку словенскому выучился. Но год назад мама умерла, вернее, убили ее нехорошие люди.

И хозяин-бондарь отдал пацана монастырю. За долги.

Монахов Вихорёк ненавидел лютой ненавистью.

С чего бы это, если подумать, ведь работа у него была вроде бы нетрудная? А с того, что пареньку выпало несчастье родиться симпатичным мальчиком. Как раз таким, какие по вкусу его преосвященству (или как там его именуют) настоятелю монастыря. Вихорёк повел себя неправильно, за что был бит (не слишком сильно, чтобы внешность не попортить) и отправлен на исправительные работы.

В пастушки его определили недавно. Монастырскому сельхозначальнику он тоже приглянулся. Но этот нахрапом не полез: действовал лаской. Работу дал легкую, жратву подкидывал повкуснее…

Но что в лоб, что по лбу, и наученный горьким опытом Вихорёк скорее всего вынужден будет уступить похотливому церковнослужителю. Потому что в альтернативе может быть всё что угодно. Оскопление, отрезание языка, подземная темница. За год Вихорёк успел навидаться всякого и понимал, что легко отделался. Скажет священнослужитель, что раб поднял на него руку, – и ее отрубят. Монахи могли себе позволить пожертвовать одним рабом, чтобы добиться повиновения остальных. Тем более что рабы дешевы. Один сдохнет, другого возьмут. Вся округа у монастыря в должниках. Включая и здешнего синьора.

Всё это пастушок поведал мне минут за пятнадцать, в процессе поглощения полукилограммового куска копченого лосося, прихваченного мною для установления контакта. Слова из него сыпались со скоростью три штуки в секунду. Истосковался он по «родной речи».

Попутно Вихорёк признался, что я его здорово напугал. Парнишка решил, что я – разбойник. Угадал, однако.

Собственно, он и после употребления лососятины своего мнения не изменил. Но теперь я был уже не чужой разбойник, а свой. Тем более языком матери владел.

Считай, почти родственник.

Разочаровывать мальца я не стал. Пусть лучше думает, что я разбойник, чем норман. О норманах тут мнение – паскуднейшее. Вплоть до рогов, которые северяне прячут под шлемами. Однако после года жизни среди монахов мальчишка не то что викингов – настоящих чертей с настоящими рогами на монастырь навел бы.

Хотя для здешних жителей черти, пожалуй, посимпатичнее, чем мы. Черта, скажем, молитвой отогнать можно. Или святыми предметами. А викинга – исключительно драгметаллами. Да и то лишь после того, как он, викинг, вдосталь натешит свою страсть к убийствам, насилию и прочим деструктивным деяниям.

– А что городок? – спросил я. – Вон тот, который на пригорке? Что из себя представляет?

Городок… Вихорёк вздохнул. Там прошли счастливейшие годы его жизни. И мама была жива…

Хороший городок. Только бедный очень. Особенно теперь.

В прошлом году через речку (имелась в виду Луара) перебрались люди какого-то аквитанского рыцаря и ободрали городок вчистую. Многих убили. Маму Вихорька – тоже. Случайно. Какой-то аквитанец лошадью стоптал. Она не сразу умерла. Месяц мучилась. Бондарь даже лекаря к ней приглашал, взявши денег в долг. Она красивая была, Вихорькова матушка.

Многие тогда погибли, во время набега. Синьор тоже погиб. Вместо него сын приехал, который до того в королевской гвардии служил. Только вот золота он с собой не привез, и пришлось брать кредит в монастыре – чтоб народ с голодухи не перемер. Так что с большой долей вероятности в следующем году это будут уже монастырские земли.

Я поинтересовался, откуда такая осведомленность?

Оказалось, от тех же монахов похотливых. И от настоятеля той церковки, что в городе стоит. Это он бондарю сказал, когда матушке грехи отпускать приходил. Он хороший, настоятель. Не то что эти, в монастыре, чтоб им черт печенки выел.

Черта не обещаю, сказал я пареньку. Но если ему непринципиально, кто именно будет извлекать печенку, то сам процесс организовать – очень даже реально.

Глазенки Вихорька загорелись, и мы с ним заключили пакт.

Ближе к вечеру, когда придет пора гнать отару домой, мой юный соплеменник возьмет меня в компанию. Прогуляюсь с ним до монастыря, а потом, по темному времени, вернусь обратно.

И будет нам счастье.

Осчастливив мальца еще одним куском лососятины, я вернулся к своим и сообщил приятные новости.

Инфу о том, что поблизости имеется монастырь, мои друзья приняли с бурным восторгом. В их понимании монастырь был не обителью людей, посвятивших себя служению Богу, а местом, куда свозят золото, серебро и всякие ценные вещи.

Захлебываясь слюной, мои сопалубники принялись наперебой перечислять, какие славные вещи бывают в монастырях. Золотой кубок, инкрустированный драгоценными камнями, из которого в торжественных случаях потреблял пиво наш ярл, был далеко не самым замечательным предметом, отнятым морскими разбойниками у мирных ростовщиков-монахов.

Я прервал этот поток восторгов, предупредив, что вечером намерен провести глубокую рекогносцировку. Малец обеспечит прикрытие. Два пастуха с отарой куда менее заметны, чем одинокий прохожий с выправкой викинга. Однако не худо бы кому-то прямо сейчас вернуться к нашим и сообщить результаты предварительной разведки. Еще добавил, что мальца надо отблагодарить. А вот как? Деньги я ему уже предлагал – не взял. Сказал: всё равно отберут. Такому рабу, как он, деньги не полагаются. Еще спросят: где взял? И что ему ответить? Приятель-разбойник подарил?

– Отблагодарим парня, – пообещал Руад. – Когда монастырь возьмем, его не тронем.

* * *

С «когда» мой друг варяг немного погорячился. Правильней было бы употребить слово «если».

Вот уж не думал, что монастырь может выглядеть так.

Какая, к чертям, «мирная обитель»!

С приличной высоты холма грозила окрестным полям и виноградникам настоящая крепость. Город, который мы с Вихорьком оставили за спиной, ей и в подметки не годился по части укреплений.

Ну еще бы! Вихорёк сказал, что земель у монастыря побольше, чем у главного графа области. Вдобавок графу никто ничего не дарит просто так, а монастырю верующие католики отдают всё лучшее. Ну и десятина, само собой. Теоретически десятина эта (если мне память не изменяет) должна была отправляться в Ватикан. Однако, судя по этим стенам, отправлялось далеко не всё. Просто так этакие укрепления не возводят. Да еще из камня.

А еще у монахов имелась стража. По словам Вихорька – более двухсот копий. И не из мирных монахов, а из вооруженных мирян. Солидно. Да и монахов списывать со счетов не стоит. Так что силы защитников надо минимум удвоить. Взять этакую твердыню силами трех сотен человек? Ох, сомневаются мужики!

Ничего. Глаза боятся, руки делают.

– Меня зовут – Ульф, – сообщил на прощание пастушонку. Завтра он снова выгонит овец на лужок, но не факт, что мы с ним увидимся. – А еще лучше, Вихорёк, запомни фразу: «Мой господин – Ульф Черноголовый!» – Я повторил это по-датски раза три, убедился, что паренек запомнил и воспроизводит вполне понятно, потрепал его по голове и шмыгнул в заросли.

До темноты оставалось около часа. Мне как раз хватит, чтобы в деталях изучить укрепление, прикинуть слабые места… Если они, конечно, есть.

Глава вторая,

в которой герой встречается с Хальфданом Рагнарссоном

– Самое слабое место франкских крепостей – это сами франки! – заявил Хрёрек-ярл. – Молодец, Ульф! Вторую долю добычи ты заработал. И если всё так, как ты изобразил, то самим нам его не взять. Тут нужно не менее тысячи воинов. Таран нужен, лестницы…

– Таран сделаем, деревьев хватает, – подал голос Ольбард. – И лестницы тоже. Но насчет тысячи воинов ты прав, – наш кормчий задумчиво поглядел на продукт моего творчества – слепленный из мокрого песка макет монастыря-крепости. – Сами, может, и возьмем, но многие наши под стенами лягут. Нам нужны союзники. Может, Бьёрн?

– Нет, – качнул головой ярл. – Нам не нужен Бьёрн, потому что мы ему не нужны.

– Точно! – поддержал Хрёрека Ульфхам Треска. – Бьёрн пошлет нас в самое опасное место, а если мы откажемся, возьмет монастырь без нас. Я бы поговорил с Хальфданом. Хальфдан Рагнарссон – человек чести. И жаждет славы. А еще у него только шесть кораблей. Без нас ему трудно будет.

– А если он сам позовет брата?

– Кто? Хальфдан? Делиться славой?..

В горячем обсуждении о взаимоотношениях братьев Рагнарссонов я не участвовал. Некомпетентен. Но – прислушивался.

Вообще-то Рагнарссоны были на редкость дружным семейством. Несмотря на амбиции и агрессивность, унаследованные от отца, братья-ярлы никогда не конфликтовали. Во всяком случае – на людях. Рожденные разными мамашами и

весьма отличные по темпераменту, Рагнарссоны были, безусловно, выдающимися особями породы «скандинавский викинг» и, как следствие, жуткими индивидуалистами. Но вот – не ссорились! Может, причина в папе-вожаке? А может – в той удивительной психологической гибкости, которая позволяла сотне безбашенных головорезов месяцами тесниться на узкой палубе драккара – и не вцепиться друг другу в глотки. Готов поклясться, что мои гуманные современники из техногенной эпохи в аналогичных условиях пересрались и передрались бы максимум через сутки.

Хольды спорили, но дискуссия явно клонилась в пользу Хальфдана.

Не станет младший Рагнарссон делиться славой ни с кем из братьев. С отцом – может быть. Но Лотброк вместе с основными силами сейчас далеко.

– Я буду говорить с Хальфданом, – подвел итог дискуссии ярл. – Со мной пойдет Ульф. Готовьте ялик.

* * *

Пока мы занимались своими делами, братья Рагнарссоны заканчивали грабеж Ванна. Добычу взяли невеликую. Для города. Хотя и город такой… Одно название. Ни стен толковых, ни домов солидных… Так, поселок городского типа.

Однако кое-что наскребли. И «наскребанное» следовало поделить по чести. Чем и занимался Бьёрн Железнобокий.

А его младший брат тем временем квасил с друзьями-соратниками.

Вот на этот пир мы и прибыли.

Хальфдан Рагнарссон разместился на палубе большого кнорра, который был его флагманом. Выбор судна, менее пригодного для боя, но зато намного более вместительного, явно демонстрировал отношение Хальфдана к походу. Разместился Рагнарссон с комфортом: на палубе был поставлен шатер. Судя по вытканным на нем коронованным львам и крестам, прежде сей респектабельный родственник палатки принадлежал кому-то из христианских светских лидеров.

В шатре Хальфдан был не один, а с дюжиной дружбанов и десятком «трофейных» девок.

Услыхав о том, что мы надыбали богатый монастырь, младший Рагнарссон тут же протрезвел. Выставил девок. Выгнал из шатра наиболее пьяных соратников и приготовился узнавать подробности.

От меня.

Но я не спешил. Скушал фазаново крылышко, с удовольствием приложился к чаше с вином, сырку опробовал. Благословенная земля – Франция. Конечно, пиво я тоже люблю. Но продукты виноделия – предпочитаю. По водочке тоже соскучился, но ее пока не придумали. Надо будет заняться на досуге. Самогонный аппарат – дело нехитрое. Как мне кажется…

Викинги, их было четверо, не считая нас с Хрёреком, меня не торопили. Здесь так не принято. Даже нанятый скальд, и тот сначала покушает, а потом запоет. Ну ладно, надо и совесть иметь. Я доглодал фазана, запил отменным красным и начал повествование.

Махонькие глазенки Хальфдана вспыхнули звездами, едва он услышал о монастыре. И сияние это отнюдь не угасло, когда я завершил свой рассказ-описание монастырских стен.

Тоже понятно. Такие стены не строят вокруг амбара с просом.

Однако высказываться Рагнарссон не спешил. Для начала вопросительно поглядел на своего хёвдинга и моего знакомца – рыжебородого Тьёрви.

Тьёрви был корректен и осторожен.

– Если Ульф-хускарл говорит правду, а я в этом не сомневаюсь, потому что Ульфа Черноголового вряд ли могут напугать стены – вежливый кивок в мою сторону, – то, пожалуй, я предложил бы поговорить с Бьёрном. Все вместе мы…

– Нет! – отрезал Хальфдан. Его гладкие щеки заиграли румянцем. – Я умею драться не хуже Бьёрна! Мы сделаем это сами. Но сначала я хочу собственными глазами поглядеть на эту жемчужину бога франков.

– Тогда не стоит откладывать, – заметил Хрёрек. – Когда слухи о том, что мы рядом, дойдут до монахов, створки этого моллюска сойдутся еще крепче.

– Этот камень… – Хальфдан сжал здоровенный кулак, – разобьет любую раковину! Однако медлить не будем. Веди нас, Ульф-хускарл!

Глава третья,

в которой герой путешествует с представителями высшего норманского общества

Отправились вчетвером. Славные ярлы и славные мы. То есть рыжебородый красавец Тьёрви и я. Родись хёвдинг Тьёрви в двадцатом веке в США – быть бы ему великим актером. Есть такие люди, что с первого взгляда внушают к себе расположение. Если пожелают. Или – ужас. Опять-таки, если пожелают.

Хотя в данном случае внушить ужас было несложно. У бедного гонца и так чуть глаза не выскочили, когда из темноты выступил Тьёрви и принял повод утомленной лошадки.

Франк как-то сразу сообразил, что плечистый здоровяк в кольчуге, с золотой гривной на бычьей шее не может быть конюхом. Разве что – конюшим королевского двора. Но уж никак не постоялого.

Конюх, правда, тоже терся поблизости: держал факел.

Тьёрви вынул гонца из седла и легонько шлепнул по запыленной физии. От соприкосновения с доской-дюймовкой (самая подходящая аналогия для ладони викинга) голова гонца мотнулась, как боксерская груша, а ноги франка, и без того нетвердые, превратились в желе. Однако гонец не упал, а только захрипел. Любой захрипит, когда его держат на весу за горло.

Впрочем, душить его Тьёрви не собирался. Точный пинок, наработанный многолетней игрой в четырехкилограммовый мячик, – и гонец обвис у меня на руках.

– Веди себя правильно – и тебя не убьют, – сказал я ему по-английски и направил его в сторону дома.

Не знаю, понял он или просто угадал, но виснуть на мне перестал и поковылял в заданном направлении.

В доме хорошо. Тепло. Нет сыплющей с неба мороси, и пахнет не мокрой землей и навозом, а рыбной похлебкой, свежим хлебом и жареным поросенком.

Вся эта благодать шикарно сервирована на выскобленном добела столе, за которым вальяжно расположились ярлы, попивая винцо и ведя неспешную беседу. По-датски, разумеется. О да, викинги умеют ценить свежую пищу и комфорт. Кто угодно научится этому, четверть жизни уминая скудный морской паек.

Поступательное движение гонца закончилось у ног Хальфдана-ярла, когда колени франка с глухим стуком провзаимодействовали с утоптанным земляным полом.

– Это кто? – поинтересовался Хальфдан, с удовольствием обгладывая поросячье ребрышко.

– Гонец к Карлу-конунгу, – ответил я.

– Вот как? – Младший сын Рагнара с интересом оглядел трясущегося франка. – Откуда знаешь?

– Сам сказал.

Так и было. Гонец сообщил о своем статусе, едва въехал в ворота. Видимо, рассчитывал на особое отношение. Правильно рассчитывал. Не назовись он сразу, Тьёрви бы его просто прикончил.

– И что же он везет?

– Что за вести ты везешь? – поинтересовался Хрёрек-ярл, прихлебывая молодое красное винцо. По-франкски поинтересовался. Акцент у него, насколько я мог судить, был чудовищный, но словарный запас – вполне пристойный. Как раз для допроса. Ярл наш вообще был полиглотом. Даже по-латыни разумел. Натыркался, когда еще юнцом ездил с посольством тогдашнего верховного конунга данов к германцам. Знать латынь – очень полезное качество для викинга. Как-никак католические монахи – его главная «паства».

Гонец вытащил из-за пазухи свернутый в трубочку кусок пергамента.

Хрёрек даже разворачивать его не стал. Читать по-франкски он не умел. Хальфдан, как выяснилось, тоже. Тогда пергамент взял я. Послание было написано на латыни. Я понял лишь отдельные слова, но латынь чем хороша? Читать ее можно, даже не понимая содержания. Так что я читал, а Хрёрек – понимал.

– Это о нас, – сказал ярл. – Просят у конунга Карла помощи. Мол, нас очень много. И мы – очень страшные.

– Это мы и сами знаем, – Хальфдан швырнул ребрышко на пол и взял с блюда другое. – Присаживайся к столу, Ульф, перекуси. Потом сменишь Тьёрви.

– А с этим что? – Я кивнул на гонца.

Хальфдан взял со стола глиняный кувшин с вином, взболтнул и опрокинул его содержимое себе в глотку. Затем, не вставая, метнул пустой кувшин в стоящего на коленях франка.

Кувшин разлетелся вдребезги. Франк повалился набок. Из его головы хлестала кровь.

– С этим – всё, – сказал младший Рагнарссон и рыгнул. – Эй, трэль, еще вина!

* * *

Когда ярлы заявили, что желают провести разведку, я думал, что мы будет двигаться скрытно. Примерно так, как действовали все наши разведывательные группы.

Я ошибся.

Мы – кто? Простые викинги. Рядовые труженики весла и топора. Ныне же я путешествую вместе с элитой скандинавского мира. Хальфдан и Хрёрек – высшая аристократия. Инглинги. Королевская кровь. Да что там королевская – божественная[2 - Инглинги – одна из самых влиятельных и древних династий конунгов. Прародитель – некто Ингве Фрей, чья родословная, в свою очередь, восходит непосредственно к Одину.]. Даже старине Тьёрви я и то не ровня. Конечно, хёвдинг – это звание, а не титул. Вроде генерала. По наследству «хёвдингство» не передается. Однако вспомним анекдот о том, почему сын полковника не может стать генералом. Правильно. Потому что у генерала есть собственные дети. Тут, правда, не столько протекция играет роль, сколько честь семьи. От сына славного отца все вокруг ожидают неменьших подвигов. И сам сын тоже не лысым пупсом себя мнит, а героем будущих саг. Да и генетика – несколько поколений геройских предков – подмогнет. Так что за детей Тьёрви можно быть спокойным.

А вот я, признаться, несколько мандражировал. Потому что ярлы ни от кого не собирались прятаться. Двинулись прямо по дороге. В полном вооружении (что характерно – своем собственном), ни от кого не скрываясь. Как по родной Дании.

Единственное, что мы сделали для маскировки, – накинули франкские плащи. Трофейные, разумеется. И кони, естественно, тоже были трофейные.

Четыре отлично вооруженных всадника с запасными лошадьми, нагло ехавшие посередине дороги, ни у кого из встречных не вызывали подозрения. Простолюдины поспешно убирались с нашего пути. Многие даже валились носом в грязь – на всякий случай. Ну да, здесь не принято разглядывать благородных господ, если не хочешь схлопотать плетью по глазам.

Один раз нам повстречался какой-то местный шевалье со свитой из пяти кое-как экипированных ополченцев. Этот тоже поспешно уступил нам дорогу. Правда, с коня слезать не стал, просто поклонился, получил в ответ четыре надменных кивка и, удовлетворенный, отправился своей дорогой.

Готов поклясться: он даже и не заподозрил, с кем его свела судьба. Норманы – это кто? Грязные язычники с всклокоченными бородами, в окровавленных одежках и с недоеденным тельцем христианского младенца в зубах. Мы же – респектабельные рыцари, которые никого не грабят и не режут, а просто едут себе с надменным видом, заняв всю проезжую часть. Доспехи на нас вполне типичные. У Хальфдана нагрудник с Георгием Победоносцем, у меня – пояс с аналогичной пряжкой. У Тьёрви тоже какой-то вооруженный святой на медальоне шлема. Мечи – типично франкские, щиты (на которых – «защитные» руны) в чехлах… На беглый взгляд – натуральные благородные шевалье. Да какие там шевалье – шевалье не в кольчугах да панцирях, а в кожаных куртках с нашитыми железками щеголяют. Так что, на беглый взгляд, мы – натуральные графья. А пристально разглядывать таких, как мы, – чистое самоубийство.

Хотя нет, с графьями я переборщил. Франкские вельможи без свиты не путешествуют.

День прошел без инцидентов.

Заночевали мы в какой-то деревеньке. Выбрали лучший дом, без лишних слов выставили из него хозяев, съели их ужин и выспались в их постелях. То есть – ярлы в постелях, а мы с Тьёрви – на полу, на сене. Так даже и комфортнее – без клопов.

Еще один день в дороге – и вечером мы увидели монастырь. А еще раньше услышали звон его колоколов.

Я уже был готов к тому, что ярлы поедут прямо к воротам. Но до этого не дошло. Наглость у викингов прекрасно сочетается с осторожностью и предусмотрительностью.

Ярлы и Тьёрви спешились и ушли на разведку. Я остался сторожить коней.

Вернулись товарищи командиры часа через четыре, уже в полной темноте. Воодушевленные. Крепость монастырских стен распалила их воображение. Типичный франкский замок – каменный двух-трехэтажный донжон, окруженный деревянной оградой. А тут – трехметровые стены – из настоящего камня. Это ж прям-таки дух захватывает от мыслей о том, какие сокровища могут прятаться в

скромной христианской обители!

Весь путь до примеченного еще засветло постоялого двора руководство обсуждало эту вкусную тему. О том, как попасть внутрь монастыря, не было сказано ни слова. Что тут обсуждать? Пришли и вошли. Делов…

Заночевали мы тоже по-человечески. На постоялом дворе.

За постой принято платить. Даже богатым франкам. Но не суровым викингам.

Так что нас угощали бесплатно. И прислуживали очень старательно. Единственное неудобство: нам с Тьёрви пришлось караулить. Не знаю, как Тьёрви, но я не выспался и весь день дремал в седле. Дремать мне не мешали. Погони не было.

На прощание Хальфдан сделал хозяину постоялого двора подарок: отрезал кусок от пергамента, взятого у гонца, оттиснул на нем свою печать и сунул трактирщику. Обслужил как следует – получи «чаевые». Отныне этот франк считался человеком Хальфдана. Не то чтобы гарантия безопасности, но – кое-что. При виде этого оттиска злые дяди-викинги сменят гнев на милость. Главная задача – успеть показать.

«Облагодетельствованный» хозяин вряд ли станет доносить о нас в вышестоящие органы. И домашним своим не позволит. Да и зачем ему? Чтобы получить от сеньора по голове за то, что донес только сегодня, а не вчера?

А вот гонец, которого горшком по голове приласкали, ночью помер. А я ему жизнь обещал…

Еще один груз на мою нетренированную совесть.

– Что печалишься, Ульф Вогенсон? – бодро поинтересовался мой ярл. – Клянусь рукавицей Тора, в этом монастыре столько богатства, что мы будем выбрасывать из сумок серебро, чтобы набить их золотом!

– А скажи мне, ярл, откуда взялось это золото? – Меня с недосыпу потянуло на философию.

– Как откуда? Франки принесли его своему богу!

– А откуда оно у франков?

Хрёрек задумался. Не понимал, к чему я клоню. Я заметил, что Хальфдан и Тьёрви тоже прислушиваются к нашему разговору. От скуки, надо полагать.

– За франкские мечи платят золотом, – наконец выдвинул версию мой ярл.

Всё-таки хорошее здесь время. Еще тысяча лет до эпохи, когда деньги превратятся в бумажки и электрические импульсы и биржевые жулики станут наживать состояния, продавая и покупая «воздух», а те, кто производит настоящие ценности, будут неизменно оставаться в дураках, потому что вынуждены садиться за один стол с шулерами-банкирами и играть по их шулерским правилам.

Нет, я не против банков. Без них не обойтись. Но хотел бы я поглядеть на того человека, который возьмет взаймы деньги у Хрёрека-ярла… Да что там Хрёрека… Даже у простого бонда Хёдина Полбочки, а потом скажет, что ссудил кому-то эти деньги под большие проценты, чтобы по-легкому срубить бабла, а этот нехороший «кто-то» деньги замылил, и потому заемщик возвращать долг Хёдину не собирается.

Лучшее, что может ожидать такого мошенника, – это батрачить у Хёдина в свинарнике, пока не отработает долг.

Но вернемся в девятый век.

– Вино, – вмешался в разговор Тьёрви. – Прошлой осенью я купил пять бочонков здешнего вина. Тоже золотом заплатил.

– А по мне, так наше пиво не хуже, – заметил Хальфдан.

– Ну и что? Ты же не откажешься от доброго куска оленины только потому, что молочный поросенок нежнее?

– Не откажусь, – согласился младший Рагнарссон. – Я съем всё.

– Ты задал хороший вопрос, Ульф Вогенсон, – задумчиво произнес Хрёрек. – Видно, твой отец понимал толк в торговле. Здесь, на земле франков, есть много такого, что можно продать, и продать дорого.

– Из франков получаются хорошие трэли, – сказал Тьёрви. – Они старательны, неприхотливы и покорны. И жару переносят лучше тех же англов. Перекупщики неплохо за них платят.

– А зачем нужны трэли? – спросил я Хальфданова хёвдинга.

– Как зачем? Работать. – Тьёрви ехал впереди, и, чтобы бросить на меня удивленный взгляд, ему пришлось развернуться.

– Работать можно по-разному.

– У хорошего хозяина все рабы работают старательно, – назидательно произнес Тьёрви.

– Согласен. Но как бы старательно они ни работали, с плохой земли всё равно возьмешь меньше, чем с хорошей. А здесь – хорошая земля. И старательные трэли. Вот от этого, Тьёрви, и берется то золото, которое прибрали к рукам монахи. Такая цепочка получается: земля – трэли – сборщики – монахи.

– …И мы! – напомнил Хальфдан.

– И мы, – согласился я. – Однако, на мой взгляд, монахи в этой цепочке – лишние.

– Это точно! – воскликнул Хальфдан. – Толку от их Христа никакого! Даже своих жрецов защитить не может.

Мысленно он уже взял монастырь и делил добычу.

– А знаешь, Черноголовый, я ведь уже слышал такие речи, – подал голос мой ярл. – И знаешь от кого? От его старшего брата, – кивок в сторону Хальфдана, – Сигурда.

Хальфдан задумался. Тьёрви шевелил губами: похоже, что-то высчитывал.

Дорога неторопливо ложилась под копыта лошадок. Оборванный крестьянин, влекущий тележку с мешками, при виде нас бросился к обочине и распростерся в пыли.

– Нет, – наконец изрек Хальфдан. – Сидеть и собирать золото – это скучно. Мне любо брать его в битве! Это весело и хорошо для воина! – Хлестнул коня и умчался вперед.

Тьёрви поспешил за ним.

Мы с Хрёреком остались вдвоем. Ехали шагом бок о бок по ровной дороге. Спокойно, как у себя дома. А ведь вокруг – враждебная Франция. Или как там ее сейчас называют.

Не слишком ли мы беспечны?

Накликал.

Впереди раздались крики, собачий лай и характерный звон железа. Хальфдан и Тьёрви с кем-то сцепились.

Не сговариваясь, мы отпустили вьючных лошадей (за ними всегда можно вернуться) и поторопили своих коняшек.

О да! Хальфдан хотел повеселиться и теперь веселился от души!

Он и Тьёрви, спешенные, спина к спине, заняли середину дороги, а вокруг них вертелось с дюжину всадников, норовя достать викингов длинными копьями.

Еще столько же народу, рангом пониже, держались поодаль, удерживая свору. Ага! Охотнички! На жердине, уложенной на спины двух лошадей, висел матерый

олень с роскошными рогами.

Хальфдан с Тьёрви отбивались – любо-дорого посмотреть. Поворачивались синхронно, не разрывая дистанции, отбивая копийные тычки, то и дело стремительно атакуя.

Но их противники тоже были не лыком шиты. Дистанцию держали четко и работали слаженно. Но почему-то не использовали луки…

То ли живьем хотели взять, то ли решили, что качественную броню данов охотничьими стрелами не взять.

Но, бывает, и охотничья оснастка в бою пригождается: один из франков послал коня вперед и метнул сеть…

Ага, разбежался!

Тьёрви рванул вперед (Хальфдан не отстал, что было очень непросто, – попробуйте сами побегать задом наперед!), отбил сеть щитом раньше, чем она полностью раскрылась, и режущим тычком достал… Нет, не всадника. Коня.

Конь, естественно, расстроился. И вскинулся на дыбы… Всадник припал к холке, чтобы удержать равновесие…

Но добраться до него у Тьёрви не получилось. Приятели франка храбро кинулись в бой и пресекли контратаку.

Грозная парочка опять оказалась на середине дороги. Результат опять нулевой. Подраненная лошадь и облака пыли – не в счет.

Несмотря на четырехкратное преимущество (псарей и прочую челядь я не считал), достать викингов франки не могли. Численное преимущество вполне компенсировалось качественным вооружением и на порядок более высоким уровнем боевой подготовки. Однако и Хальфдан с Тьёрви не могли достать франков. Конным (причем отличным наездникам) ничего не стоило разорвать дистанцию. Типичный пат, если воспользоваться шахматной терминологией.

Что ж, самое время нарушить равновесие.

Спешились мы с ярлом практически одновременно.

Я взялся за меч, но Хрёрек (в левой руке – меч, в правой – копье) качнул головой и указал на мой лук.

Стрелок из меня посредственный, но начальству виднее.

Хрёрек показал знаком – начинаем по команде.

Уточнять, по какой именно команде, я не стал. По ходу разберусь.

Разобрался.

Волчий вой, жуткий, высасывающий силы и мужество, накрыл всех. Нет, я неправ. Этот вой был только похож на волчий. Ни один волк не способен так выть. Разве что сам Фенрир[3 - Гигантский волк Фенрир – сын бога Локи и великанши Ангбоды. Этот красавец в процессе заковывания (обманом, естественно) в цепи уже оттяпал руку богу войны Тюру, а во время грядущего светопреставления Рагнарёка именно он сожрет Одина.]. От этого звука пустело в груди и хотелось забиться под какую-нибудь корягу.

Мне, впрочем, было легче, чем франкам. Я уже слышал эту песню – фирменный боевой клич варягов.

Больше всего данный звук не понравился собакам и лошадям. Животные словно взбесились. Результат – сразу несколько франков вылетело из седел.

Двоих тут же прикончили Хальфдан с Тьёрви. Одного подшиб стрелой я.

Еще один противник, не совладавший с лошадкой, в седле усидеть сумел, но вынесло его прямо на меня. Я вогнал ему стрелу в грудь и отпрыгнул в сторону. Добивать не потребовалось – и так свалился.

Тем временем Хрёрек ссадил еще двоих – ударами копья и меча. И метнул копье в спину последнего противника, вознамерившегося удрать.

Поле боя осталось за нами. Псари и прочая челядь разбежались. Те, кто сориентировались вовремя и правильно. Остальные отправились к Высшему Судие.

Однако не все оставшиеся на поле боя франки отдали Богу душу. Трое еще дышали. В числе недобитых – главарь. Местный барончик, как выяснилось. Выехал на охоту… И ошибся с дичью.

Резать пленных не стали. Напротив, оказали первую медицинскую помощь и прихватили с собой. Барончик посулил четыре марки серебра за себя и за своих людей, что сразу превратило пленников в ценный товар.

Что мне понравилось – то, как Хальфдан и Тьёрви отнеслись к недавнему бою. Так, мелкая стычка. Косточки поразмять. Такое ощущение, что оба были абсолютно уверены в своем превосходстве. Единственное, что произвело впечатление на Хальфдана и Тьёрви: вой, которому Хрёрек-ярл научился у своих хирдманнов-варягов. Оба немедленно пожелали научиться этому полезному вокализу.

Так что весь оставшийся путь мы (я тоже присоединился, само собой) выли и гудели на все окрестности, пугая лошадей и навьюченных на них пленников.

Зато на дороге мы больше не встретили никого. Лишь пару раз я (по привычке всё контролировать) отметил шевеление в кустах.

К вечеру мы прибыли в наш лагерь. Люди Хальфдана устроились ниже по течению, так что Рагнарссон и Тьёрви отправились дальше – поднимать храброе воинство.

А я взобрался на палубу «Сокола», развернул любимую шкуру и завалился спать.

Периодически меня будили спотыкавшиеся о спящую тушку викинги: на драккаре кипела работа – готовились к ночному переходу.

Однако, когда весла дружно опустились, и под брюхом корабля заворковала вода, я уснул так крепко, что продрых до самого рассвета.

Проснулся, когда киль «Сокола» заскрипел по песчаной отмели.

Прибыли. Прямо над нами красовался городишко, разведанный мной и Руадом три дня назад.

Городишко, что характерно, уже был в осаде. Часть наших совершила ночной марш-бросок, часа на два опередила флот и обложила противника.

Викинги, как всегда, обогнали вести о своем приближении.

К сожалению, городская стража оказалась на высоте, да и ворота на ночь запирались, так что взять город с ходу не получилось.

Глава четвертая

«Я победил!»

– Мы не можем оставить его за спиной, – сказал Хрёрек, и Хальфдан согласно кивнул.

Видимо, я еще не знал о местной тактике всё, что требуется, потому что, с моей точки зрения, этот городишко с жалкими двумя сотнями гарнизона, кучкой кое-как экипированных франкских солдатиков не представлял ровно никакой опасности. Я помнил, как сотня викингов вдребезги расколотила значительно превосходящий по численности отряд, оборонявший Плесков. А ведь в Плескове, помимо ополчения, к тому же имелась профессиональная дружина князя Довгана[4 - Более подробно эта история рассказана в первом «Викинге».]. Для франков хватило бы и половины. Если считать командующего гарнизоном рыцаря с оруженосцем. А без них, уверен, хватило бы и трех десятков хирдманнов. Да эти франкские ополченцы дали бы деру от одного только вида дюжины викингов!

Нас же было в совокупности почти тысяча.

Но командирам виднее.

Ранним утром наше войско появилось в видимости городских дозорных.

А еще затемно группы рейдеров провели зачистку территории. Скрытность – один из наших козырей. Враг думает, что мы болтаемся в устье Сены, и еще только-только собирает войско, а мы уже идем по Луаре. Король франков срочно двигает недоукомплектованное войско к Руану… А Рагнар уже под Парижем. Или типа того.

По крайней мере в теории, то есть в рассказах моих бывалых соратников, всё выглядело именно так. Толковая тактика, но я рад, что мне не пришлось участвовать в зачистках.

Мы остановились в отдалении от стен. Стены были сложены из камня, но такое ощущение, что камень этот рубили совсем для других целей. Кривоватые какие-то получились укрепления.

Остановились мы достаточно далеко. Чтобы нас нельзя было достать из лука или баллисты, буде таковая найдется в этом городишке. Затем из рядов нашего воинства выдвинулись человек двадцать с поднятым на копье щитом. Белой изнанкой наружу.

В компании парламентеров был и я. Возглавлял посольство Хрёрек. Тут не принято поручать опасные миссии подчиненным.

Ярл дунул в рог. Над заборолом появился местный рыцарь.

Кстати, вблизи я понял, что строили этот городок всерьез и надолго. Но очень давно. Но бурные времена не прошли для крепости даром. В целости остался только фундамент, а вот стены – чистый новодел куда худшего качества. Впрочем, с разбега на них тоже не вскарабкаешься. Если сами не сдадутся, придется попотеть.

Нас не обстреляли.

Стороны вполне мирно обменялись приветствиями.

Ярл говорил на родном языке. Рыцарь – на весьма похожем. Видимо, германском. Надо полагать, он знал этот язык лучше, чем Хрёрек – французский. Я понимал три слова из четырех. Ярл, надо полагать, не меньше.

Хрёрек сходу потребовал сдать крепость. Ввиду явного численного преимущества.

Рыцарь ответил в том смысле, что сдаться ему не позволяет честь. И сразу посоветовал не тратить на городок времени. Мол, поживиться у них нечем, во всем городе не наберется и десяти фунтов серебра. Которые он, рыцарь, готов выплатить еще до полудня.

Хрёрек потребовал триста фунтов.

Какое-то время они торговались, расходясь в оценке выкупа примерно на порядок. Мне такие дискуссии были знакомы по моим азиатским путешествиям. Только здесь на кону была не выгода, а жизнь.

Рыцарь поднял цену до шестнадцати фунтов. Даже я по его тону догадался, что это – предел. Вспомнилось рассказанное Вихорьком. Насчет прошлогоднего грабежа и монастырского займа. Так или иначе, но Хрёрека размер выкупа не удовлетворил.

Рыцарь вздохнул так, что его услышали даже мы. И предложил решить дело в поединке.

Ярл охотно согласился.

– Если ты победишь, – заявил Хрёрек, – город заплатит нам шестнадцать фунтов серебром. Если проиграешь, то мы войдем в город. И возьмем, что захотим.

– Условия поединка? – поинтересовался рыцарь.

– Никаких! Ты и твои старшие поклянутся вашим Христом, что откроют ворота, если ты падешь. А мои люди поклянутся Одином…

– Не Одином! – перебил рыцарь, проявив некоторую информированность в скандинавской теологии. – Клянитесь именем Тора и Ньёрда! Вы войдете, возьмете, что пожелаете, но не будете убивать.

Хрёрек не стал возражать.

Стороны торжественно представились. По полной форме, с перечислением четырех поколений предков. Рыцаря звали Жилем. Если коротко.

Затем были принесены клятвы. Очень торжественно, с тщательным подбором слов, дабы гарантирующие их выполнение высшие силы ничего не перепутали.

Пятью минутами позже ворота приоткрылись, и наружу выехали два всадника. Храбрый франкский рыцарь и его не менее храбрый оруженосец. Оба – в тяжелых доспехах. Реально тяжелых. Толстое железо, нашитое на толстую кожу, – это вам не кольчуги и не панцири продвинутых викингов. Высокие конические шлемы – тоже не самый лучший вариант боевого головного убора. Хотя для всадников – нормальный вес. Вон у шевалье Жиля даже поножи имеются. Нет, серьезно выглядят ребята. Внушительно. И копья длинные, и лошадки приличных размеров тоже в «защите».

Хрёрек вышел им навстречу. Один. Пеший. Без копья. В своей обычной броне, которая, хоть и была покрепче франкской, но выглядела куда менее внушительно. Ярл даже золотых браслетов не снял. Будто пришел на пир, а не на поединок. Великолепный шлем сиял золотом, золотом же горело зерцало нагрудника, серебрились пластины доспеха и кольчужная юбка. Ниже шлемной полумаски спускалась на широченную грудь заплетенная в косы светлая борода. Ровные белые зубы блестели, как жемчуг на солнце, – ярл улыбался.

Но эта открытая улыбка не обманула бы того, кто заглянул бы в прозрачно-голубые глаза Хрёрека. Ярл вышел, чтобы убивать.

Вышел, остановился, хлопнул обнаженным мечом по щиту. Мол, начинай, приятель.

Рыцарь послал коня вперед. Оруженосец – следом, отставая метров на двадцать. По вальяжной позе Хрёрека я понял: ярл не очень-то опасается столкновения с

этой бронированной парой.

Почему – стало понятно чуть позже, когда рыцарь разогнался до крейсерской скорости и опустил копье книзу в твердом намерении нанизать моего ярла, как рябчика на вертел.

Не знаю, сумел бы франк осуществить желаемое. Позже я узнал, что на охоте такие парни на скаку ловили копьем бегущего зайцы. Хрёрек-ярл, конечно, покрупней зайца.

Но я не думаю, что нашелся бы такой заяц, который мог бы убежать от среднестатистического викинга.

И я мог бы пересчитать по пальцам тех викингов, у которых был шанс убежать от меча Хрёрека-ярла.

У шевалье Жиля такой шанс был. Его конь был достаточно проворен. Просто скакал не в том направлении.

Острие копья, на противоположной стороне которого находилось более полутонны плоти и железа, со скоростью пятидесяти километров в час приближалось к сердцу моего ярла. Но это сердце вряд ли ускорило ритм. Им, копью и сердцу, по-любому не суждено было встретиться. Более того, мой ярл даже не собирался уклоняться от живого снаряда.

Он просто ждал.

И за десять секунд до столкновения произошло нечто.

А именно: из наших рядов выскочил Стюрмир. Выскочил и с разбега метнул копье навстречу атакующему ворогу.

Попал, разумеется.

Бросок у Стюрмира и так неслабый, а уж с разбега…

Попал он в коня. Вероятно, в коня и целил, потому что промахнуться с тридцати шагов Стюрмир точно не мог.

Копье угодило бедному животному в шею. Пробило навылет – скорости сложились.

Получилось красиво: конь упал в десяти шагах от Хрёрека, а шевалье подкатился прямо под ноги.

Ярл торжественно поставил ногу на грудь рыцаря и проревел во всю мощь командирской глотки:

– Ег ванн!

Я победил.

Кто бы спорил.

Замешкавшийся оруженосец оказался на земле через пару секунд. Метнув копье, Стюрмир не остановился. Между ним и оруженосцем было метров сорок. Будь франк поопытней, он кинулся бы обратно, к воротам. Но парнишка был то ли глуп, то ли особенно предан своему господину, потому что пришпорил коня и вознамерился нанизать на копье нашего ярла. Стюрмира он не учел. А зря. Викинг даже к наступательному оружию не прибег. Сорвал со спины щит и запустил его на манер гигантского диска.

Вообще-то благородные франки, надо отдать им должное, отлично держатся в седле. Упрутся ногами в стремена, поясницей – в заднюю луку, и хрен вышибешь.

Но боковой удар конник держит куда хуже, чем лобовой.

Оруженосца вынесло с седла и поволокло по травке – нога в стремени застряла. Конь, впрочем, сразу же остановился (обученный), и сильно побиться паренек не успел.

С «пареньком» я поторопился. Оруженосец оказался бородатым дядькой лет под тридцать.

Но выкуп за него определили в десять раз меньше, чем за «начальника».

Ну да, добивать поединщиков никто не собирался. Зачем убивать, если можно продать!

Викинги, одним словом.

Городок сдался без дополнительных условий. Скажу так: его обитателям здорово повезло. Что может сотворить с мирным населением французского населенного пункта тысяча викингов, цивилизованному человеку даже не представить.

Но Хрёрек поклялся не убивать, а наша армия спешила осадить монастырь, пока там ничего не пронюхали, и городок даже не грабили толком. Так, прошлись наскоро и собрались на перекус во дворе местного замка.

Шевалье угощал. Он уже оклемался и был рад-радешенек, что отделался «малой кровью».

Не дождавшись окончания обеда, старина Стюрмир поволок меня и Медвежонка в местную церковку. Не из благочестия, разумеется. Надеялся поживиться. Ох, сомнительно! Ехали мы мимо этого культового сооружения. Не впечатлило.

Хороший камень, крепкая дверь и престарелый священнослужитель у входа. Более никого. Священника Стюрмир обижать не стал. Взял за плечи, переставил в сторону и вошел. Мы с Медвежонком – следом.

Ну да. Как я и предполагал. Пусто и тихо. Запах сена и ладана.

Стюрмир был явно разочарован.

– Здесь нет того, что тебя интересует, дан.

Это сказал дедушка-священник. На датском.

– Знаешь наш язык? – заинтересовался Медвежонок.

– Я был среди тех, кто вместе с архиепископом Эбоном крестил данов.

– Ха! – воскликнул Стюрмир. – Чтоб даны крестились? Ты лжешь, жрец!

– Он говорит правду, – вмешался Свартхёвди. – Харальд Клак привел к нам жрецов Белого Христа.

– А, этот… Который удрал, – Стюрмир вспомнил.

С историей у викингов всё хорошо. Минимум восемь поколений славных предков должен перечислить каждый уважающий себя норман. С учетом деяний и доблестей. Само собой, исторический контекст тоже имеет значение. А уж то, что имело место быть несколько десятилетий назад, знает каждый датский тинейджер.

– Не станут даны кланяться этому! – Раздосадованный Стюрмир вытянул меч и указал им на деревянную статую Иисуса в обрамлении соломенных «лучей». – Что ж твои соплеменники такие жадные? – проворчал он, вновь обращаясь к священнику. – Даже одежды приличной своему богу не подарили? На что он такой годен? Только на растопку…

…Я успел вовремя перехватить руку Стюрмира и не дал разрубить распятие.

– Полегче, брат! Не следует оскорблять Бога в его доме! Убери меч.

Стюрмир так удивился моему вмешательству, что безропотно упрятал клинок в ножны.

– Ульф прав, – поддержал меня Медвежонок. – Пусть он и слабак, бог франков, но зачем гневить его попусту. Другое дело, если бы он был из золота, а это простое полено. Пошли отсюда.

И они ушли. А я задержался. Присел на скамью. Деревянный Иисус глядел на меня строго и печально. Священник устроился рядом.

– Ты не похож на нормана, – заметил он.

– Так и есть, – ответил я. – Моя родня – из словен. Почему твой храм так беден? Его ограбили?

– Нет, – священник покачал головой. – Я сам отдал всё, чтобы прокормить свою паству. Бог внушил мне благую мысль. Теперь у меня потир из меди, чаши из глины… Зато твоим друзьям незачем громить мой храм. Да и к чему богатства слугам Господа?

– И почему Он не внушил ту же мысль другим священникам? – с иронией поинтересовался я.

– То мне неведомо, – смиренно произнес священник. – У тебя ясные глаза, человек с севера. Надеюсь, Бог найдет дорогу к твоему сердцу и к твоей душе.

Он легко, по-молодому поднялся, перекрестил меня и ушел.

А я посидел еще пару минут, а потом покинул церковь и присоединился к друзьям.

Должно быть, Бог и впрямь пребывал в той церкви, потому что на душе у меня стало светло и легко. Может, потому, что я оставил на церковной скамье пару серебряных монет?

Шевалье Жиль торжественно поклялся повиноваться Хрёреку как собственному отцу. Серьезная клятва. И односторонняя. Хрёрек-ярл рыцарю не обещал ничего. Однако выбора у благородного Жиля не было. Вернее, был. Преклонить колено или умереть в надежде, что его синьор, местный граф, за него отомстит. Слабое утешение для молодого парня, у которого даже наследника не имелось.

В городке мы оставили военную команду из тридцати человек, построились походным порядком и бодрячком двинулись за церковной утварью! Правило –

«все лучшее Церкви» в Европе девятого века соблюдалось неукоснительно. И мои соратники относились к нему с полным одобрением. Еще бы! Когда большая часть драгметаллов страны собрана в определенных и легко обнаруживаемых местах, это удобно. Норманам остается лишь прийти и взять.

Глава пятая

Священная крепость франков

– Так это же мой пастушок! – воскликнул я, увидав знакомую фигурку, окруженную полусотней мелких лохматых овец. Очень кстати!

Вопреки моим ожиданиям, соединенное воинство двух ярлов не обрушилось на монастырь с ходу. Более того, пройдя по дороге примерно с километр, наше войско разделилось натрое. Две меньшие части широкими крыльями, но с максимальной маскировкой двинулись в обход. Их задача – перехватывать всех, кто намеревался прибыть в монастырь. Или его покинуть. В том числе и водным путем – холм, на котором возвышалась святая обитель, с двух сторон омывался речкой.

Основная часть войска (в том числе и хирд Хрёрека-ярла) остановилась вне видимости монастырских дозорных и выдвинула вперед разведку. То есть меня и самого ярла. На удалении в сотню метров пряталась группа поддержки, если кому-то вдруг взбредет в голову нас схитить. Заметить парней из прикрытия было практически невозможно. Хотите увидеть чудо? Поглядите, как прячутся викинги. Раз – и нету. А зайдешь за кустик размером не больше веника, глядь – сидит. Как укрылся? А непонятно. Да так хорошо прячутся: не наступишь – не увидишь.

Итак, мой дорогой словенский пастушок. И его отара.

– Поговори с ним, – велел Хрёрек.

И мне пришлось устроить сорокаметровый «заполз» по лугу. С препятствиями, которые угадывались, к счастью, издали. По запаху.

Оттуда, из травки, я его и окликнул. В принципе, можно было и не опасаться особо. Этот склон холма из монастыря не просматривался. Но это – в принципе. Если я выдам наше военное присутствие, Хальфдан с Хрёреком мне голову открутят.

Вихорёк мне обрадовался. Сообщил, что ему было велено пасти отару поближе к монастырю, потому что в окрестностях вчера видели разбойников. Четверых. Хорошо вооруженных. Вероятно, викингов.

Блин! Я мог бы назвать этих разбойников поименно! Вот они, гнилые понты норманской аристократии!

– Ну и как? – поинтересовался я. – Монахи испугались?

Оказалось, ничуть не бывало. Подумаешь, четверка норманов! Овец они да, могут стырить, а напасть на этакую крепость – никогда. Так что в обители царила тишь да гладь. Надменное спокойствие, усиленное верой в Господа и еще тем, что вчера в помощь монастырской страже прибыл отряд в сто семьдесят копий.

Не то чтобы Вихорёк их считал, но слышал, как посчитали другие. Кто прислал бойцов, пастушку неведомо. Качество подготовки вновь прибывших – тоже. Но кушали хорошо. И баб с собой привезли штук двадцать. Настоятель побухтел, но смирился. А бабы – веселые. С одной такой Вихорёк успел побеседовать. По ее инициативе. Мол, если есть среди монахов желающие позагонять бурундучка в норку, то за небольшое вознаграждение… А Вихорьку комиссионные. С головы. Вернее, с другого органа. Также Вихорёк слыхал: со дня на день ждут еще один отряд. Тоже сотни на полторы.

Я покинул Вихорька и отправился в обратный «заполз». Следовало сообщить новости ярлам.

Новости наших лидеров не порадовали. Вероятность еще большего усиления монастырского гарнизона – тоже. Конечно, второй отряд наемников вряд ли доберется до цели, но бесшумно и бесследно перебить полторы сотни бойцов

почти невозможно. Следовательно, в монастыре узнают, что мы – рядом, и нас – много.

Каменные стены, привратная башня, с которой очень удобно обижать штурмующих… Запрутся – и мы тут до осени просидим. Личное превосходство конкретного нормана над конкретным франком сходит на нет, когда франк с четырехметровой высоты льет норману на голову кипяток. Или смолу, что еще более неприятно.

Нужен хитрый план, который позволит нам проникнуть за стены.

– Может, ночью? – предложил я.

Не понравилось. Скандинавы воевать в темноте умеют. Но не любят. Им нравится публичность, а какая публичность, если твои подвиги и не разглядеть толком. Вдруг там, наверху, в Асгарде, перепутают и заберут в Валхаллу не того.

– Наемники, – сказал Хальфдан Рагнарссон. – Когда они придут, им точно откроют ворота.

– Если они придут… – произнес Тьёрви задумчиво и поглядел почему-то на меня.

Я пожал плечами. За что купил, за то и продаю.

– Никаких «если»! – Мой ярл оживился. – Вороны Белого Бога ждут наемников? Будут им наемники!

Хальфдан – младший из Рагнарссонов. Хитростью и коварством он изрядно уступал Сигурду и Ивару, однако он был далеко не дурак.

Схватил идею на лету и оживился.

– Тьёрви! Возьми две сотни хирдманнов и закрой дорогу на полдень![5 - В смысле – с юга.] Когда франки подойдут – они твои.

– Если… – Тьёрви всё еще сомневался.

– Они придут, – уверил мой ярл. – Но с тобой, Тьёрви-хёвдинг, пойдут и мои люди.

– Полагаешь, я не справлюсь с большой сотней франков? – Тьёрви, похоже, обиделся.

– Не сомневаюсь, что ты сможешь победить и тысячу, – заверил Хрёрек. – Но нам ведь не победа нужна, а их оружие и лошади. И никто не должен уйти. Ни драный пес, ни шлюха. Для этого двух сотен бойцов будет мало. И еще – надо застать их врасплох!

– Брат, – вмешался Хальфдан. – Ты хочешь обидеть моего хёвдинга и моих людей? Франки увидят их не раньше, чем они начнут их резать.

– Я не сказал «напасть внезапно», – Хрёрек усмехнулся. – Я сказал: застать врасплох. А это не одно и то же. А сделаем мы так…

* * *

Доспехи шевалье Жиля оказались мне чуть великоваты, зато броня его оруженосца – как раз по мерке. Броня – дрянь. Тяжелая, сковывающая движения. Вдобавок – здоровенный щит и еще более здоровенное копье, которым я не умел пользоваться. То есть собственно копьем – умел, но на своих двоих, а не в седле.

Ну да ладно. Не на турнир еду.

Мне в свиту выбрали дюжину дренгов помельче и почернявей – чтоб сошли за франков. Не скажу, что здешние франки – сплошь брюнеты и задохлики, но процент шестифутовых блондинов среди средневековых головорезов значительно меньше, чем в скандинавской популяции. Так что с моей «свитой» пришлось повозиться. Еще мне дали знамя шевалье Жиля. С гербом. Шевалье никто не спрашивал: он всё еще находился в положении пленника.

В общем, мы замаскировались как могли. Со ста метров угадать, что мы – ряженые, было не так легко. Я бы, к примеру, не разобрался.

Выехали из городка, проехали мимо монастыря, внаглую. Мне что-то кричали со стен. Я не ответил. Только знаменем помахал.

Дальше – проще. Хорошая дорога, хорошая видимость. Мы отъехали от монастыря примерно на километр, когда я заметил первого нашего. То есть он сам показался. Махнул рукой: всё путем.

Поля, поля, виноградники на холме… Дорога огибала холм и вновь возвращалась к реке. Еще полкилометра. Слева – река, справа – лес. Из монастыря нас уже не видно.

А кто это к нам скачет?

Скиди (его белая грива была спрятана под войлочным, усиленным медными полосками колпаком) взялся за лук, но тут же расслабился. Свой.

– Они едут! – крикнул мне Хальфданов дренг. – Тьёрви сказал: делай, как договорено. Всё готово!

Развернул лошадку и поскакал обратно. Эх, загонит он бедную животинку!

Еще с километр. Дорога пуста. Навстречу попался только воз с десятком связанных поросят. Угрюмый французский пейзанин вышагивал рядом.

При виде нас озаботился и сразу закричал, что поросята – монастырские.

Я махнул рукой: мол, не тронем. Проехали. Крестьянин в нас ряженых тоже не распознал. Впрочем, его больше сохранность поросят интересовала.

Дорога была мне известна. Проехался вчера, изучил. Так что назначенное место опознал сразу и скомандовал: стой!

На военном совете было решено так: ждем наемников два дня. Если появятся – берем, раздеваем и сами становимся «наемниками». Если не появятся – будем импровизировать.

Место засады выбрали потому, что здесь река делала петлю, и за лесистым мысом можно было укрыться. Дальше – изгиб в противоположную сторону, и дорога видна километра на полтора.

Тьёрви расположился в лесу, достаточно густом, чтобы спрятать две сотни норманов. Еще сотня укрылась чуть дальше. Ее задача – перекрыть дорогу. И еще с полсотни наших попрятались в зарослях на том берегу реки. Она здесь неширокая и мелкая, так что наверняка кто-то попытается удрать водой. Тоже задача – не из простых. Дно илистое, топкое. Лошадь наверняка увязнет, а ножками – добро пожаловать в крепкие скандинавские руки.

Яспешился и выдвинулся метров на триста вперед. Дорога отсюда просматривалась отлично. В лесу – тишь да гладь. Даже птички поют. И не скажешь, что там прорва вооруженного народа попряталась.

Ага, вот и цель показалась. Долго ждать не пришлось.

Солдаты удачи. Или типа того. Впереди – брутальный мужик с усищами подлинней, чем у Ольбарда. Налегке. Даже шлем не надел: вон он, к седельной суме принайтован. Рядом с брутальным – девка. Ну как же без нее? С виду – приличная. Волосы под чепчик упрятаны.

За сладкой парочкой, вразброд, остальные «горячие головы». Что-то я не понял: они на войну или на пикник собрались? Брони не вздеты, дозоры не высланы…

Пока червяк колонны вылезал из-за леса, я считал. Сто восемьдесят две головы. Не считая лошадиных. Примерно треть – женщины. И тридцать телег. Цыганский табор, а не военное подразделение. Зато знамя имеется: красная тряпка, на которой намалевано что-то вроде тощей курицы.

Ну, Бог им в помощь!

Я отбежал назад, помахал своим, чтобы подтянулись. С помощью Скиди взобрался на коня, гикнул и поскакал…

Франки при виде нас остановились. Вернее, остановились лидеры, остальные сбились в кучу. Уставились на знамя шевалье Жиля, которым энергично размахивал Скиди.

– Норманы! – заорал я еще издали. – Много норманов! Засада!

Прононс у меня неважный. И словарный запас – ограниченный. Но кто станет придираться к человеку, который несется галопом тебе навстречу. Тем более когда в сообщении такой креативный посыл.

– Норманы! Норманы!

Мой вопль, как и ожидалось, произвел смятение в и без того дезорганизованных рядах противника. Они окончательно перемешались. Кто-то из конных попытался дать деру, но завяз в пехоте. Геройский предводитель, как и положено герою, поскакал ко мне навстречу. Вместе со своей спутницей. Скакал и вопил. Надо полагать, желал подробностей. Но то ли с произношением у него было неважно, то ли мое знание, вернее, незнание французского виновато… Не понимал я ни хрена. А если я что-то не понимаю, это обидно. Поэтому, когда усатый мачо подлетел ко мне и завопил совсем истошно, вдобавок брызжа слюной мне в лицо, я чуток придержал коня и с удовольствием ответил. Древком копья – в рожу. Хорошо получилось. Усатый прям-таки воспарил над дорогой. И приземлился уже на травку. Там его мои дренги и повязали.

Спутницу усатого спешил Скиди. Спрыгнул с коня, сдернул за ногу, подхватил поперек туловища, захохотал, довольный… К женщинам мой ученик относился чересчур… эмоционально. Ясное дело, тинейджер.

Оп! Выпущенная из грубого хвата женщина откатилась в сторонку, вскочила и зашипела дикой кошкой. В руке – нож. Да немаленький. В локоть длиной.

А у Скиди на куртке – прореха. Ну а под прорехой – кольчужка проглядывает.

Вступать в единоборство с женщиной Скиди не стал. Подхватил с дороги камешек да и запулил храброй наемнице в живот. А затем уж и ножик отобрал, и ручки шаловливые связал без спешки.

Спешить точно было некуда. Мальчики Тьёрви в считаные секунды оприходовали отряд. На одного вольного франка приходилось минимум по три викинга. А хватило бы и одного викинга – на троих.

Помимо «живого товара» нам достался и весь обоз. С доспехами (поганенькими), амуницией, запасом жратвы-выпивки и прочими походными принадлежностями. Ну и красное знамя с курицей, само собой. Первый этап плана Хрёрека был выполнен. Если так же гладко пойдет и дальше, обедать мы будем уже в монастыре.

Глава шестая

Священная крепость франков (продолжение)

– Сколько же там, внутри, добра! – плотоядно осклабился Стюрмир, в очередной раз продемонстрировав разницу моего менталитета и типичного подхода викингов. Я вижу противника – и прикидываю, насколько он опасен. Викинг видит доспехи, прикидывает их стоимость – и радуется. А то, что там, внутри ценной брони, – кто-то сидит, это непринципиально.

Начать нашу тактическую операцию предстояло Вихорьку. Идея была не моя – Тьёрви. Вихорька никто не спрашивал. Но он мог бы и отказаться. Тогда отару погнал бы кто-нибудь из «юнг». Пацанчик взялся всё сделать сам, хотя я честно попытался объяснить ему, насколько это опасно.

– Ты возьмешь меня с собой? – спросил Вихорёк. – Потом, когда вы победите?

– Если будет кого брать, – проворчал я, и паренек засиял от счастья.

Теперь нам оставалось только дождаться вечера.

Движение по идущей мимо монастыря дороге днем было не слишком оживленным, но ближе к закату к воротам потянулись труженики полей и виноградников, погнали скотину, повезли свежие продукты…

Наступила очередь Вихорька. Блеющая отара вступила на мост, когда стража на стенах увидела красное знамя с изображением курицы-дистрофика. Поначалу никто не всполошился: отряд действительно ждали. Но чуть позже наблюдатели забеспокоились: слишком уж поспешно передвигались наемники. Можно сказать – во весь опор. Первые всадники вылетели на мост, когда овцы только-только начали проходить через узкие ворота.

– Норманы! Норманы! – дружно заорали мы, врезаясь в отару и порождая смятение не только среди бедных животных, но и среди привратной стражи.

– Норманы! Близко! – Голос у Трувора – как боевой рог. Его сходство с покойным предводителем наемников ограничивалось длинными усами, но хотелось верить, что в суматохе никто не станет к нему присматриваться.

Конные «увязали» в отаре, но всё же ухитрились протиснуться к самим воротам.

А по мосту уже грохотали повозки и бежала пехота. Викинги помельче, кое-как замаскированные трофейными доспехами и тряпками. Распознать в них ряженых было проще простого. В мирной обстановке. Но сейчас все взгляды монастырских были прикованы к металлически отблескивающей колонне, показавшейся из-за холма. Норманы!

– Норманы! – Подхваченный монастырской стражей вопль разнесся над монастырем.

Все по местам. Команда «к бою!».

– Быстрее, быстрее! – истошно орали стражники у ворот.

– Закрыть ворота! – ревел кто-то начальственным басом.

Но в воротах – мешанина из блеющих овец, вопящих ряженых и гужевого транспорта.

В итоге ворота остались открытыми. Хорошие такие ворота. Из доброго дуба, усиленного железом и бронзой. С надвратной башней, обеспечивающей обстрел тех, кто пожелает оные ворота взломать.

Шум, вопли, ругань, ржание коней, блеяние несчастных овечек…

А издали, со стороны дороги, – грозный рев и инфернальный грохот и лязг. Это приближались викинги. Безжалостные дьяволы, выходцы из ада, ужас всей клерикальной Европы.

Я вырвался на «оперативное» пространство следом за Трувором.

В монастырском подворье – суета и ажиотаж. И почти полная неразбериха. Как позже выяснилось, отряд усиления, прибывший вчера, успел покушать и выпить, но «штатного расписания» на него еще не составили. Однако бравые парни лезли на стены вместе с «базовой» стражей…

Отчего неразбериха только увеличилась.

Мимо меня промчался мужик в помятом нагруднике.

– Ворота!!! – вопил он, срывая голос. – Закрывай ворота!!!

Размечтался, однако.

На пути у него оказался Ульфхам Треска. Во франкских тряпках и мятом бронзовом шлеме с личиной кота и дрянным щитом с уже знакомой дистрофичной курицей. Всё – из арсенала наемников.

Датчанин открылся, и мужик в нагруднике с разбега врезался в скрытый лохмотьями, но куда более качественный доспех Ульфхама… И засипел, когда пальцы викинга стиснули его горло.

– Не шуми, – сказал ему Ульфхам Треска по-датски. И закрепил команду добрым ударом щита.

Трувор пихнул меня локтем.

– Башня – наша! – бросил он.

И мы рванулись вперед, расталкивая монастырских вояк.

Мы – это четверо варягов, Свартхёвди, Оспак Парус и я сам.

Вход в башню – узкая щель. За ней – крутая каменная лестница, винтом уходящая вверх.

Теперь можно было не церемониться, поэтому когда на пути Трувора оказался менее проворный монастырский стражник, то жизненный путь бедняги тут же и закончился, а Трувор, сходу ворвавшись в помещение на первом уровне, крикнул мне: «Выше!» – и принялся рубать супротивников.

А я полез вверх по закручивающейся лестнице. За мной – остальные.

Ага! Следующий этаж. Промежуточная площадка с тремя бойницами, пятью бойцами и недетских размеров запасом стрел.

Трое из пяти глазели в щели, двое оглянулись… И отвернулись. Шлем на мне – франкский – дурацкое «пожарное ведро». Меч – в ножнах. Борода черная. Рож незнакомых в монастыре со вчерашнего дня – хоть отбавляй. А у ребят – дело. Они разогревали смолу. Макнешь в такую наконечник с обмоткой, подожжешь и – огонь. Само собой, прицельная дальность падает и скорострельность. Зато – горит.

Эти – мои.

Я шмыгнул внутрь (мои друзья помчались дальше – на верхние уровни) и тут же зарезал двоих. Ножиком. Самым бесчестным образом.

Сначала одного, потом второго. Даже и не пискнули. Хотя особой нужды в тишине не было. Снаружи стоял такой ор, что даже здесь, за толстыми стенами, было шумновато. Никаких угрызений совести я не испытал. Эти люди намеревались жечь огнем моих товарищей, а я их… совсем небольно зарезал.

Успокоив двоих, я извлек из ножен Вдоводел и двумя экономными ударами отправил в рай еще парочку. С третьим пришлось повозиться. Он отвернулся от бойницы как раз тогда, когда я извлекал клинок из межреберья его коллеги.

Мужик оказался сообразительным. И что характерно – держал в руках лук с наложенной стрелой. Спрашивать меня, что я делаю и зачем, франк не стал. Щелк! – и выпущенная в упор стрела долбанула меня в грудь. Хорошо – в зерцало угодила. Хорошо – мужик в спешке недотянул лук и выстрел получился – вполсилы. Но и эти «полсилы» заставили меня пошатнуться.

И тут франк допустил ошибку. Ему бы подхватить вторую стрелу и влепить мне в живот (не факт, что бронь выдержала бы), а он бросил лук и схватился за тесак. На этом его бойцовская карьера и закончилась.

Я выглянул в щель. Картина была отрадная. Ворота открыты, мост опущен, а к мосту огромными прыжками (но при этом идеально держа строй) несутся хускарлы Хальфдана с самим Рагнарссоном в первом ряду.

Убедившись, что всё идет по плану, я кинулся к лестнице… И вскоре убедился, что парни справились без меня. Дееспособных защитников в башне не осталось.

Но веселуха еще не закончилась.

Когда я поднялся на самый верх, то обнаружил там всю нашу команду (за исключением Трувора и Оспака Паруса, которому было поручено держать вход в башню), развлекавшуюся метанием стрел в защитников монастыря, обосновавшихся на стене.

То, что стену могут обстреливать из собственной башни, строители как-то не учли. Поэтому это было чистое избиение.

Да и то, что происходило на подворье, назвать битвой язык бы не повернулся. Главные силы наших уже прорвались на территорию монастыря. А поскольку в бою один викинг стоил как минимум пяти франков, тысяча викингов против нескольких сотен защитников – это примерно как батальон спецназа против роты срочников. А тут еще внезапность нападения…

Стрельба по беспомощным мишеням меня не привлекала, поэтому я поспешил вниз.

Вход в башню был закупорен могучим туловом Оспака Паруса. Я похлопал его по спине, Оспак посторонился и выпустил меня наружу.

Собственно, защищать вход в башню было уже не от кого.

Снаружи густо воняло смертью. Трупы лежали вповалку, в одежде и доспехах. Их никто не обирал. В монастыре имелись объекты, куда более перспективные с точки зрения трофеев.

Большая часть викингов скопилась у храма. Там шла самая отчаянная сеча, но исход ее был предрешен. Последние монастырские воины пали раньше, чем я добежал до храма.

Дом Господа тоже был неслабой крепостью. Узкие двери еще держались, судя по ритмичному грохоту.

А в храме шла служба. Чувственные голоса певчих взывали к Господу на бессмертной латыни, умоляя о защите. Во всяком случае, я так полагал, поскольку мои знания латыни ограничивались сотней слов. В мирное время пение это наверняка было очень впечатляющим, однако защитить храмовые врата не смогло. Когда язычники ворвались внутрь, пение сменили вопли боли и ужаса.

Это было страшно. Несколько сотен викингов, распаленных битвой, окровавленных, озверевших, беснующихся в священной обители. Норманские секиры вышибали дух из тех монахов, кто пытался препятствовать грабежу. Эти же секиры выковыривали драгоценные камни из рак и саркофагов, сбивали со стен серебряные светильники, срубали золотые украшения. Двое викингов, опрокинув фигуру Спасителя, оторвали драгоценный солнечный знак и тут же порубили его на куски – для удобства транспортировки.

Вопли, стоны, жалобные крики смешивались с радостным ревом узревших добычу победителей. Мой сопалубник-варяг Харра Стрекоза выволок из алтаря слабо сопротивляющегося архиерея в роскошном, шитом золотом облачении, вспорол ткань мечом. Священнослужитель истошно завизжал – видимо, железо разрезало не только ткань. Харра накинул добычу на плечи, будто плащ, приголубил священника кулаком по голове. Тот сомлел, а Харра устремился на поиски новых богатств.

Я – смотрел. Понимал: остановить резню я не в состоянии. Хорошо хоть мне необязательно принимать в этом участие…

Когда смотреть стало – невтерпеж, я просто ушел.

Но снаружи было не лучше.

Мертвецы, мертвецы… Повсюду. А живых деловитые скандинавы сгоняли в гурты, вязали…

У кормушки для коров незнакомый викинг со значком Хальфдана на плаще насиловал монашку, перегнув ее через край яслей и задрав рясу.

«Откуда здесь монашки? – вяло удивился я. – Монастырь-то мужской…» Потом мой взгляд упал на темные усики на гладком круглом лице «монашки»… И я брезгливо сплюнул.

Впрочем, этому еще повезло. Вон лежит другой монах – со вспоротым животом и разбросанными по земле кишками. Тоже кто-то… развлекся.

Тут я вспомнил о Вихорьке и решил, что должен его найти.

Пять минут я потратил бесцельно, мотаясь по двору и вынужденно наблюдая за развлечениями викингов. А в голове – одна-единственная мысль: что я делаю с этими зверьми? Зачем я здесь? Что мне мешало остаться на Сёлунде? Почему я участвую в этой мясне, а не гуляю с прекрасной Гудрун по берегу собственного озера? Почему?

Потому что я дал клятву верности Хрёреку? Потому что мы все – братья? Но разве братья мне эти нореги, заживо сдирающие с человека кожу? А человек уже не кричит – душится животным хрипом…

– Эй, Ульф! Ты только погляди!

Гуннар Гагара с братвой. Традиционное норманское развлечение: сколько продержится расчленяемый человек.

– Я этой вороне…

Полсекунды – и голова несчастного монаха слетела с плеч. Нореги сначала опешили, потом другой Гуннар, Морской Кот, радостно захохотал:

– Я выиграл! Он умер!

– Ничего он не умер! – возмутился Гагара. – Это Черноголовый его убил! Ты зачем его убил, Черноголовый?

– Захотелось! – честно ответил я. С вызовом… Который Гуннар Гагара принять не рискнул. Да и остальные отнеслись к моему удару спокойно.

– Кот, иди притащи еще одного! – крикнул кто-то. – Начнем сначала!

Вот так. Дорого обойдется мой гуманизм еще одному монаху.

Ладно. Я состроил строгую рожу:

– Делать нечего? – процедил я грозно. – Братья делом занимаются, а вы нашу общую добычу превращаете в бесполезное мясо?

Обвинение в крысятничестве норегов смутило.

– Так их же вон сколько, ворон… – без особой уверенности протянул Гагара. – Десяток-другой… Не убудет.

– Вот разделят добычу, получишь ты свой десяток – и делай с ним, что пожелаешь! – заявил я. – И вообще, нечего тут околачиваться. Пока ты «ворон» считаешь, Хальфдановы хускарлы в храме золото с серебром прибирают!

Жизнерадостные норегские рожи разом приняли озабоченное выражение. И – рысцой к воротам церкви.

Во дворе пастушка я не нашел. Так что вернулся и продолжил поиски внутри храма.

Там Вихорёк и нашелся. Сам.

В одном из нефов несколько викингов пытали голого человека с бритой макушкой. И явно не для развлечения, потому что процессом руководил Тьёрви-хёвдинг. Рядом с ним топтался мелкий паренек в медном шлеме скверной работы, в каких-то окровавленных тряпках и босиком. Хальфданов «юнга»? Без сапог? Сомнительно…

– Ульф! Ульф Вогенсон! – окликнул меня хёвдинг. – Иди сюда! Видишь, кого мы поймали! – похвастался он, кивая на корчившегося на земле человека. – Казначей здешний! Удачно получилось. Твой трэль, – кивок на паренька в окровавленном рубище, – на него показал.

– Мой трэль?

Ну да, конечно! Паренек сдвинул шлем, и я не без труда (крови и грязи на лице хватало) опознал Вихорька-пастушонка. Всё-таки уцелел мальчишка! Удачливый. В каше, которая творилась у ворот, и опытного воина могли прикончить.

Пацанчик улыбнулся робко-искательно… Не забыл, значит, заветные слова «Я – собственность Ульфа Черноголового».

Впрочем, Тьёрви его и так знал. Хёвдинг был в курсе того, кто «предводительствует» овечьей отарой. Хотя что для Тьёрви какой-то франкский раб? Та же овца.

– Ну да, это мой человек, – подтвердил я.

Тут казначей вдруг отчаянно закричал, выгнулся и обмяк.

– Готов, – одобрительно отметил Тьёрви. – Молодцы!

И присел на корточки рядом с пытуемым.

Тот, к моему немалому удивлению, был в сознании. Окровавленное лицо хранителя монастырских ценностей выражало один лишь безграничный ужас. Он пытался что-то сказать, но вместо слов получались только кровавые пузыри.

– Золото, серебро, ценности, – очень четко по-франкски произнес Тьёрви. – Где?

– Я покажу, покажу… – забормотал казначей. – Не мучьте меня, Бога ради, пожалуйста, я все покажу! Я знаю!

– Поднимите его! – велел Тьёрви. И мне: – Прогуляешься с нами?

Я-то думал, что казначей серьезно покалечен, но, поставленный на ноги, он довольно бодро порысил внутрь церкви. Люди Тьёрви знали свою работу и умели делать больно, не причиняя серьезных травм.

Внутри началась вакханалия. Наши парни добыли где-то пару приличных бочек церковного вина и пустили в дело. Со стен скорбно взирали на кощунство строгие святые.

Казначей вел нас прямо к алтарю.

Там уже изрядно потрудились викинги: уволокли всё сколько-нибудь ценное. Мозаичный пол был скользким от крови. Теперь это святое место больше напоминало бойню. Повсюду лежали тела убитых и умирающих. Все – ободранные догола.

Один из раненых вдруг очнулся, ухватил нашего проводника за ногу, выкрикнул что-то по-своему.

Казначей глянул на него дико, дернулся… Но подталкивающий его викинг отреагировал по-нормански. Махнул мечом, отделив руку от туловища.

Казначей, взвизгнув, стряхнул мертвую конечность и нырнул вглубь алтаря.

Ага, тайничок! Даже не тайничок, а подземный ход. Винтовая лестница уходила вниз. Кто-то предусмотрительный приготовил связку факелов. Осталось только зажечь.

Что мы и сделали.

Перед спуском перестроились. Впереди двигался один из людей Тьёрви. За ним – трясущийся казначей. Потом – сам Тьёрви, я, Вихорёк (он увязался за нами, и я его понимал), а замыкал шествие второй человек Тьёрви.

– Здесь не так давно прошли люди, – заметил хёвдинг, потянув носом воздух. – Давайте-ка поторопимся.

И мы поторопились.

Через пять минут муки совести, терзавшие меня по поводу разграбления святой обители, растаяли без следа.

Потому что мы оказались в монастырской тюрьме.

Слуги Божьи не должны так обращаться с людьми. А если они творят подобное, то приход викингов вполне можно рассматривать как кару Господню.

Те, кто гнил здесь, не совершили ничего против Бога. Чтобы оказаться в этом зловонном подземелье, было достаточно украсть краюху черствого хлеба. Или оттолкнуть кого-то из святых отцов. Или не вернуть долг. Таких публично калечили и бросали умирать в крысиные клетки – в назидание другим должникам.

Всё это шепотом поведал мне Вихорёк, пока мы шли меж вонючих нор, сопровождаемые проклятиями и безумным хохотом. Однако я уверен: знай здешние сидельцы, кто мы такие, – нам воздавали бы хвалу. Месть свершилась.

Но не до конца.

– Т-ш-ш! – Тьёрви ухватил брата-казначея за шею, останавливая.

Безупречный слух викинга и сейчас не подвел.

Впереди были люди. Мы тихонько подобрались поближе.

Точно. В широком и низком подземном зале тусовалась целая толпа. Вернее, не тусовалась, а работала.

Кипучая деятельность при свете факелов.

Человек тридцать что-то активно перетаскивали.

– Кто это? – шепотом поинтересовался Тьёрви у нашего трясущегося проводника.

– На-настоятель… З-золото… – Зубы казначея клацнули.

– Мышка решила обмануть кошку, – процедил хёвдинг. – Главного жреца – живьем. Он денег стоит.

Я не успел спросить, как отличить настоятеля от прочих. Тьёрви и его орлы уже кинулись в бой. Правда, перед броском хёвдинг не забыл приголубить пленника по бритому кумполу.

– Будь здесь! – велел я Вихорьку, перепрыгнул через обмякшую тушку монаха и поспешил за соратниками.

Нас ждали. Дюжина франков в кожано-бляшечных бронях явно из числа монастырской стражи. А я-то думал, что все они пали, защищая храм.

И епископ тоже хорош! Бросил умирать своих подопечных и смылся.

Франки встретили нас слаженным строем… Который Тьёрви и его парни проломили, даже не сбавив хода.

Я чуть замешкался, потому что уцелевшие после контакта с моими друзьями франки (примерно половина) решительно набросились на меня.

Зря они это сделали. В темноте они ни черта не видели, и большая часть ударов досталась их же приятелям. А вот мой Вдоводел действовал безошибочно. Я проскочил через сбившийся строй, оставив моих противников выяснять отношения исключительно между собой, и, вырвавшись на оперативный простор, принялся рубить всё, что двигалось. Вернее, всё, что двигалось

недостаточно быстро, ведь по ней, родимой, по скорости, я даже в полумраке безошибочно распознавал своих.

Настоятеля взяли живьем. Ему и еще парочке монастырских иерархов хватило ума забиться в угол, когда стало ясно, что выход (равно как и вход) из сокровищницы надежно перекрыт скандинавским железом.

Вот так жадность губит служителей культа. Дернули бы они сразу наутек – оказались бы на свободе. За алтарем прятался не единственный вход в подземелья. Еще два вели к конюшне и прямо в келью настоятеля. А самый длинный коридор выводил вообще за пределы монастыря. К речке. А там беглецов уже поджидала спрятанная в зарослях парусная лодка. И ни одного нормана поблизости!

Но нет, епископ сотоварищи решил прихватить с собой монастырские ценности. И сам стал ценностью. Ярлы назначили за него выкуп в три кило серебра.

Очень скромная цена, учитывая какую добычу мы взяли.

– Теперь можно и домой, – заявил довольный Стюрмир, сменивший плащ на облачение священнослужителя, весившее никак не меньше доброго панциря – столько на нем было золотой и серебряной канители.

На мой вопрос: не боится ли он гнева Христа за то, что облачился не по чину, Стюрмир только рукой махнул:

– Вот кабы это нашего жреца плащик был – я бы еще подумал, а это пустое. Ты ж видал, Ульф, сам Белый Христос в рубище ходил, а похоронен и вовсе в набедренной повязке.

– Зато Он воскрес! – напомнил я.

– Эко диво! – воскликнул Стюрмир. – Я тоже воскресну в чертогах Одина, если умру как полагается. А жрецы эти здешние, кабы ходили в рубище, как ихний Христос, так мы бы их и не тронули. Вон как того, в городке. На кой они нам

нужны, нищие? А они обряжаются так, как у нас не всякому конунгу по доходам, едят на злате и серебре и думают, что их бог в рубище за них вступится. Да скорее голодный волк вступится за жирную свинью, чем этот тощий Христос – за кабана-жреца, с которого я этот плащ снял!

Вот так поэтично и образно ответил мне не искушенный в богословии простой датский викинг.

И возразить мне было нечего.

* * *

Потом был пир. То есть сначала на территории «прибрались», лужи крови засыпали песком и сверху набросали соломки. Для приятного запаха. В трапезной (или ее аналоге) монастыря и на подворье накрыли столы. Богато накрыли. В монастырских погребах яств хватало не то что на одну тысячу – на десять.

Мне выделили место среди воинской элиты. В мою честь даже сказали тост. Хрёрек-ярл порадовал. Напомнил почтенной публике, кому мы обязаны обнаружением той здоровенной кучи сокровищ, которая громоздится на почетном месте посреди зала. Кто указал на казначея? Мой трэль. А за все действия трэля несет ответственность его хозяин. Так что ему и бонусы. Или штрафы. В зависимости от содеянного трэлем.

Главной дележки еще не было. Сначала планировалось похоронить павших и отметить это дело как положено.

Костер сложили – высотой метра три. Не столько из необходимости (с нашей стороны потери были ничтожные), но – почтить героев. А зачем скромничать, если дров в монастыре хватит на двадцать таких костров? Цели прославления послужили и пленники, коих тоже уложили на костер. Пленникам повезло. Уж не знаю почему, но сжигать их живьем не стали. Сначала прирезали.

Достойно получилось. Огонь поднялся выше монастырских стен.

Я при сем не присутствовал. Вместе со Скиди и Вихорьком мы спустились в монастырскую тюрьму и открыли все тамошние жуткие норы. Открыли и ушли. Дальше – сами. Дорога к реке свободна. Я отдавал себе отчет в том, что половина узников уже не способна передвигаться, но я сделал, что мог. Чисто по-человечески. А благотворительность – не моя добродетель. Скиди я соврал, что дал обет. Дал и исполнил. Обет – это скандинаву понятно. И другим, если спросят, отвечу так же. Тем более финансового ущерба я никому не нанес. Кому нужны эти малохольные, если и здоровых трэлей некуда девать. Полная монастырская конюшня «живого имущества».

Хотя в конюшне были не все. Пяток «элитных» пленников Хальфдан велел притащить к нам на пир. Им даже оставили собственную богатую одежду. Чтоб самим любоваться и выкуп содрать побольше. Был составлен «прайс-лист», который ярлы намеревались отправить ближайшему архиепископу. Посредником был выбран шевалье Жиль. «Прайс-лист» на монастырский топ-менеджмент командиры огласили публично. А то мало ли… Решит какой-нибудь пьяный и веселый хирдман позабавиться с «элитным товаром». Чтоб не удивлялся потом размеру компенсации.

Кстати, о забавах. В трапезной было весело. Верно, никогда за всю историю монастыря здесь не было такого количества женщин. К потаскушкам франкских вояк добавилось несколько сотен крестьянских девушек, пригнанных из близлежащих деревень. И «леди» из городка шевалье Жиля. Эти прибыли сами. То есть не сами, конечно, а в сопровождении мужчин. По приглашению нашего ярла. Отказаться рыцарь не рискнул. Выбора у него не было. Или – добровольно-принудительно. Или – просто принудительно.

Впрочем, в монастыре его ждал небольшой подарок. Мои друзья выгребли из монастырской сокровищницы не только серебришко-золотишко, но и кучу закладных, долговых расписок и прочих финансовых документов. Вся эта бухгалтерия, в которой, без сомнения, находилось и собственное долговое обязательство шевалье Жиля, отправилась в погребальный костер. Из рукописных предметов были оставлены только книги. Не из почтения к святыням, а потому что викинги по опыту знали: их можно продать, и продать недешево.

Но вернемся к пиру. Наш рыцарь восседал на почетном месте напротив ярлов, что, несомненно, не укрылось от взглядов церковных иерархов. Но они не вякали. От шевалье зависело, как быстро они вырвутся из злобных языческих

лап.

Прислуживал мне Вихорёк. Пацанчик приоделся, умылся и выглядел, пожалуй, бодрее, чем его господин. То есть я. Недавние ужасы никак не затронули его детскую психику. Напротив, он был весьма оживлен и бодр. Если бы не я, он оказался бы в набитой пленниками конюшне. Или – в земле. Хотя, если бы не он, наших на погребальном костре было бы значительно больше.

Однако никто, кроме меня, не заценил боевых заслуг паренька. Вот если бы он с оружием в руках выступил с нами в одном строю…

И хорошо, что не выступил. Затоптали бы, даже не заметив. Так что быть ему пока что трэлем. Моим. Уверен, это существенно лучше, чем – рабом при монастыре. Вихорёк тоже так считал. И всемерно старался услужить.

Между тем пир набирал обороты – пришел черед мужским развлечениям. Борьбе и метанию острых предметов. Господа норманы не навоевались. Им было весело.

Зато шевалье Жиль и его спутники явно были не в своей тарелке. Им было страшно. Кроме того, с ними были женщины, на которых уже облизывались победители.

Впрочем, не мои проблемы. Я пил монастырское вино, замечательное, надо отдать ему должное, и думал всё о том же: какого хрена я тут делаю? Болтаюсь черт знает где и творю черт знает что, вместо того чтобы быть вместе с моей Гудрун? Мои друзья – понятно. А я? К богатствам я равнодушен. Лишь бы на жизнь хватило. Такую, как мне нравится. Слава? Да плевать мне на то, что думают обо мне те, о ком я понятия не имею. Кстати, к моим потомкам это тоже относится. Пусть любят меня таким, какой я есть… Когда появятся на свет.

Может, я здесь, потому что тут мои друзья? Да, наверное, так и есть. Я поклялся быть верным Хрёреку. Верным своему хирду. Я – его часть. И естественно, что я – с ним. Я не могу его оставить. Это было бы так же странно, как если бы мой указательный палец пожелал остаться дома, когда я выхожу за порог.

Тогда почему мне так мутно на душе?

– Эй! Ульф! Черноголовый! Покажи свою ловкость! Покажи, как ты боролся с моим братом Иваром!

Это Хальфдан, чтоб его понос пробрал. Пацаны борьбу затеяли. И естественно, тут же поделились на партии. Наши против Хальфдановых. Я поглядел на Хрёрека: это обязательно? Ярл чуть заметно пожал плечами: как хочешь. Желающих хватало.

– А что я получу, когда вытру пол спиной твоего хускарла, Хальфдан-ярл? – громко осведомился я.

– Выбирай любую девку, какая тебе глянется! – заявил младший сын Рагнара. – А если на полу окажешься ты, сложишь хвалебный стих победителю!

Щедрое предложение. Вопрос: с кем я буду бороться?

Ну да, этого следовало ожидать. Очередная гора мяса. Не помню, как его зовут, но этот здоровяк явно не из юных дренгов. Лет тридцать. Мускулатура гребца. С подвижностью и выносливостью тоже всё хорошо. Схватит – мало не покажется. Не схватит.

Я только-только успел скинуть доспех с поддевкой и нательную рубаху, как этот «руки-крюки», вернее, «крюки» попер на меня, растопырив грабли. Само собой, он знал, что я боролся с Иваром Рагнарссоном (проиграл, разумеется, но остался в живых, что в случае поединка с Бескостным – чистый бонус), но мой ничтожный размер – провоцировал.

Как обычно в такой ситуации, у меня не было права на ошибку.

Я мягко перехватил и «связал» левую ладошку противника, прихватил большой пальчик (как два моих) и резко, с подключением корпуса, загнул внутрь.

Пальчик не сломался и даже не вывернулся из сустава, но здоровяку стало больно. Так больно, что даже малочувствительный организм викинга отреагировал. Нет, здоровяк не завопил (еще чего не хватало!), но чуток подался в нужную мне сторону. Дальше – пустячок. Правильно поставить ногу и толкнуть в нужное место, в нужном направлении, вложившись, взрывом, потому

что второго шанса не будет.

Хватило и первого. Стокилограммовый громила попытался удержать равновесие, потом самортизировать падение – и снова в бой. Так было бы, если бы я его просто шваркнул. Но я ронял нормана по всем правилам, сопровождая, и в последний момент поддернул. Палец всё-таки не выдержал – с хрустом вывернулся из суставной сумки, зато послужил рычагом, и здоровяк хряпнулся не только спиной, но и затылком. А пол-то – каменный!

Впрочем, череп не повредился. У викингов такие черепа, что их и обухом топора не всегда пробьёшь. Однако вывихнутый палец я уже мог отпустить.

Секундная пауза – затем дружный рев сотен глоток. Восторженный. Только что у всех на глазах Давид победил Голиафа в силовой борьбе.

Я дождался, пока народ попритихнет, и сказал спокойно:

– Я не мог проиграть, Хальфдан-ярл. Что бы я тогда делал, ведь скальд из меня неважный. Я больше – мечом.

– Ты победил, – проворчал Рагнарссон. – Выбирай девку и освобождай место.

Я скользнул взглядом по застолью… И моментально сделал выбор.

– Вот её!

Очаровательная местная дворяночка за два места от шевалье Жиля.

Но выбрал я ее не по внешности. Внешность ее сейчас оценить было трудновато, потому что личико исказила гримаса ужаса. Причина ясна. Хёвдинг Хальфдана. Не Тьёрви, другой. Торгиль. Кормчий на одном из драккаров младшего Рагнарссона. Может, лет двадцать назад этот датчанин был таким же красавчиком, как Тьёрви, но время и враги серьезно поработали над его внешностью. Нос – на сторону, левый глаз – узкая щелка между шрамов, в разинутой пасти – половина зубов, да и те – гнилые. Но силушка – при нем. И физическая и мужская, иначе зачем бы ему понадобилось тащить бедную девушку из-за стола?

При мысли о том, что сотворит это чудовище с милой француженкой, у меня аж зубы заскрипели. Да, сегодня было убито множество людей. Убито, замучено, искалечено… Не в моих силах спасти всех. Но эту девочку я спасу!

– Её!

Хальфдан глянул в указанном направлении, энтузиазма не выразил. Торгильс как раз выволок бедняжку из-за стола и сгреб в охапку.

Я обратил внимание на шевалье Жиля и на молодого парня рядом с ним. Рука шевалье железной хваткой впилась в шею парня. Хороший захват. Умелый и крепкий. Надо полагать, не будь его, парень непременно вступился бы за малышку… И пал смертью храбрых, потому что ни один трэль не смеет поднять руку на хозяина, а шевалье Жиль и вся его свита по сути такие же рабы победителей, как и те, кто заперт в конюшне. Велел хозяин привести женщин – привели. Но неужели в городке не было других… женских особей? Обязательно было тащить с собой юную чистую девочку? Или шевалье решил, что более-менее пристойное поведение норманов у него в городке – норма?

– Выбери другую! – потребовал Хальфдан-ярл. – Эта уже принадлежит Торгильсу.

Значит, Торгильс, а не Торгиль. Ошибся я. Немудрено, когда у доброй трети в имени – Тор.

Нет, дорогой, не выйдет. Я тебя за язык не тянул. Опять-таки, что значит – «принадлежит»? Дележки-то еще не было.

Торгильс услышал свое имя и обратил на меня внимание.

– Не плачь, маленький грозный Ульф! – прошепелявил он. – Я подарю тебе ее… грудки! Га-га-га!

Пошутил, значит. Или не пошутил. По-любому, скандинавскому народу понравилось. Народ загоготал и застучал посудой. Даже сам ярл изволил усмехнуться.

Но не я. Зря Торгильс открыл свой щербатый ротик. А вот мы его – за язычок…

– Вот как? – процедил я холодно. – Выходит, слово Хальфдана стоит так дешево, что его человек может над ним посмеяться?

Память у Хальфдана – прекрасная. И за точностью формулировок викинги следят не хуже, чем профессора математики.

«Выбирай любую девку, какая тебе глянется!» – так он сказал.

А тут – Торгильс со своей шуточкой.

Улыбка Рагнарссона вмиг испарилась.

– Торгильс! – рявкнул он. – Отдай девку Черноголовому!

– Только сиськи! – отозвался Торгильс-хёвдинг. – Потом, когда я пошурую во всех ее дырочках! – Он облизал щеку маленькой француженки и довольно заухал.

Хальфдан мгновенно оказался на ногах. Уже с мечом в руке. Правило сдавать оружие перед пиром вождей, естественно, не касалось.

Я испугался. Рагнарссон, даже в гневе, не станет рубить собственного человека, а вот несчастную девочку – запросто. Нормальный норманский выход из положения. Выбрал – забирай. О том, что она должна быть живой, договора не было.

– Торгильс! – поспешно закричал я. – Если тебе так нужна эта девка, я могу ее уступить. Надо же и тебе победить кого-нибудь, пока мужчины сражаются с мужчинами. Ладно уж, Торгильс-хёвдинг, забирай ее себе. Яви свою храбрость с противником, который тебе по силам!

Сначала я хотел сказать не «по силам», а «под стать», но вовремя вспомнил, что сравнить викинга с женщиной – всё равно что матерого уголовника козлом обозвать. А я не хотел выйти за рамки обычной застольной шутки.

Мы бы еще попикировались пару минут, но в итоге девушка досталась бы мне, потому что ярл слово дал, как-никак. И Торгильс по-любому оказывался неправ.

Но вышло не так, как я планировал.

Дело в том, что, пока я толкал свой монолог, народ в зале притих. Интересно же. Так что заканчивал я свое заявление, считай, в абсолютной тишине. И едва я смолк, Тьёрви-хёвдинг сказал кому-то из своих:

– А неплохо пошутил Черноголовый. Быть теперь Торгильсу Женобойцей.

Сказал-то он тихо, да вот услышали все, включая и самого Торгильса.

Матерый головорез, прошедший черед десятки битв и сотни схваток, старина Торгильс был не только опытный вояка, но и далеко не дурак. Дураки не становятся хёвдингами.

Если бы не реплика Тьёрви, наша «битва» так и осталась бы словесной. Но Тьёрви (не исключаю, что сознательно) всё испортил. Теперь Торгильс не мог даже убить девушку, потому что уж тогда он точно бы заработал новое прозвище. Да такое, что и над внуками его посмеивались бы.

Торгильсу-хёвдингу сразу стало не до смеха.

И задор его тут же трансформировался в жажду крови.

Моей.

Будь он каким-нибудь дренгом, молодым и горячим, схватил бы что под руку попало и кинулся на меня. Но он был – хёвдинг. То есть с головой дружил и умел сохранять хладнокровие даже в самые острые моменты.

Потому он отпустил маленькую француженку, отодвинул от себя – бережно! – поклонился слегка Хальфдану, уже опустившему меч, и попросил очень вежливо:

– Дозволь мне, ярл, показать Ульфу Черноголовому, как я убиваю мужей!

Грамотно. Бросить мне вызов на пиру, в присутствии старших по званию и моих сопалубников из-за «безобидной» шутки – потерять лицо. Он – хёвдинг. Я – простой хускарл. У него – двадцатилетний воинский стаж. У меня чуть больше года. Хёвдингу положено быть снисходительным. На пиру. Но поучить меня он может. Даже – со смертельным исходом.

Хальфдан поглядел на Хрёрека. Мой ярл кивнул. Он был не против. Что за праздник без драки? Да и во мне он, надо полагать, уверен. Или – в моей удаче?

«А как насчет тебя?» – мысленно поинтересовался Хальфдан.

Я правильно понял его взгляд и тоже кивнул. Мол, желает мне Торгильс показать какие-нибудь полезные приемчики, так я не против. Почему бы и не поучиться у хорошего человека?

– Если Торгильс-хёвдинг не хочет учить меня убивать голыми руками, я хотел бы взять свой меч, – сказал я.

Тут все разом заорали восторженно. Поединок, блин!

А я поймал взгляд маленькой француженки… Не то чтобы благодарный… Поспорили два варвара-язычника, кому она достанется… За что тут благодарить? Но, скажем так, взгляд заинтересованный.

Поймал – и подмигнул. Сейчас ты уверена, детка, что мы с Торгильсом – одной звериной породы. Но я надеюсь, что у меня будет возможность убедить тебя в обратном.

Щит и меч. Пора, пора мне привыкать к традиционной экипировке викинга-поединщика.

Торгильс – аналогично. Щит, меч, шлем, панцирь… Сказал бы, что всё – стандартное, только тут стандартов не бывает. На нашем уровне – только эксклюзив. Помнится, когда-то давно (прошлой осенью) мой раб Хавчик сказал, что серьезные люди не покупают готовых сапог. Так вот: к оружию это тоже относится. Возьмем, к примеру, щиты. Круглые, с умбонами и оковкой по краю,

усиленные металлическими полосками, расходящимися от центра, в основе – одинаковая древесина, технология сборки – один в один… Даже начертанные защитные руны – практически одинаковые. А вот возьми я в руки щит Торгильса – совсем не то, что мой собственный. И дело не в том, что он – больше и чуток потяжелее. Баланс совсем другой. Другая форма рукояти, инерционность тоже… Конечно, я и Торгильсовым щитом мог бы работать. Точно так же, как мог бы вместо Вдоводела кусок арматурины взять. Настоящий воин способен сражаться любым оружием, хоть гайкой на веревочке. Но мои боевые качества от такой замены снизились бы в разы. Всё – индивидуально.

Сходились осторожно. Оба плотно покушали и порядочно приняли на грудь. Но в считаные секунды адреналин вымыл из крови алкоголь. И у меня, и у Торгильса тоже. Судя по тому, как он аккуратно и расчетливо двигался.

Всё же приятно быть в центре внимания. В зале – под тысячу человек. И все, включая монастырский клир, глаз с нас не сводят. Братья-викинги так и поддерживают громко. Наши – меня, Хальфдановы – своего хёвдинга.

Я не реагирую. Сейчас мой мир – полсотни квадратных метров мозаичного пола, освобожденных под развлечения, и кудлатый бородач, глядящий на меня из-за края щита. Я контролирую не только взгляд – всё. В первую очередь – ноги. Жаль, что щит закрывает большую часть туловища и всё, что выше колен. Положение бедер противника могло бы подсказать моему подсознанию формат будущей атаки.

Кружим по гладкому полу, четко держа дистанцию.

Норманы орут, воодушевляя, но никто не торопит. Все – бойцы. Все всё понимают.

Мы с Торгильсом никогда не сходились даже в спортивном варианте. Я – известный боец. Он вообще хёвдинг… Малейшая оплошность – и кирдык.

Я не боюсь. Верю в свой талант и в свою удачу.

Надо полагать, Торгильс тоже уверен. Столько лет – в «бизнесе». Конечно, он уверен… Но не спешит. Потому и жив, надо полагать.

Ладно, начнем, благословясь!

Короткий выпад – и провоцирующий уход назад с чуть приоткрывшимся боком…

Меч Торгильса сверкнул в атаке… И был тут же перехвачен щитом, а я… попался!

Вместо того чтобы парировать мою «встречку», Торгильс прыжком сократил дистанцию и с небольшим вывертом приложил меня щитом по щиту. Да так ловко, что я сам сбил собственную атаку и подставился, открыв левую ногу… Ух, как больно! Я аж зубами заскрипел!

И сразу – новый удар щита. По зубам. Быть бы мне таким же щербатым, как Торгильс, но, к счастью, я успел принять на собственный щит…

И перекрыл сам себе обзор!

Лязг! На этот раз от боли свело правое плечо… И – сильный толчок отбросил меня назад. А Торгильс! Черт! Ему весело!

– Что, Черноголовый? Признай: я не только с женщинами умею! А уж всяких мелких волчат оттаскать за холку!..

Викинги ржут. Им, блин, тоже весело. Даже моим братьям по хирду.

А я запоздало соображаю: нога-то у меня на месте! И кольчужка на плече – в целости. Вывод? Злодей и разбойник Торгильс не хотел меня убивать. И калечить тоже. Меч у него боевой. Так же, как у меня. Силу обоих ударов я очень даже прочувствовал. Он запросто мог бы ногу мне отрубить. И плечо просечь как минимум – до кости. Но не отрубил и не просек. Потому что бил – плашмя. То есть… Ну да! Это же не поединок! Это игра! Вот почему наши ярлы были так спокойны…

Я почувствовал, как кровь прихлынула к щекам. Игры у норманов – жестокие. Но – по правилам. Игры. А я-то дрался – всерьёз!

Пока у меня в голове крутились посторонние мысли, Торгильс ждал. Моего решения.

У меня два варианта. Сдаться, сохранив лицо, ответив какой-нибудь подходящей шуткой. Или – продолжить игру.

Конечно, продолжить! Мы же только начали!

И я бодренько похлопал Вдоводелом по щиту. Продолжим, уважаемый!

Торгильс радостно захрюкал – мужик любил хорошую драку. И попер на меня. Хотя нет, не попер – пошел четко и точно. Экономные движения, ни одного лишнего жеста, ни одного прокола… Нет, не зря его назвали хёвдингом. Это, блин, совсем другой уровень. Повыше моего, пожалуй. Ни единой ошибки, ни одной щелки в обороне. Притом что любая моя оплошность тут же будет поймана и наказана.

Я почувствовал искушение: бросить щит и продолжить единоборство в более привычном маневренном варианте.

Удержался. Не факт, что это даст мне преимущество. Хотя… Идея бросить щит… Именно бросить… В этом что-то есть.

Пока же я отступал. И оборонялся. Тоже очень аккуратно. Без ошибок. Торгильс оценил. Проворчал что-то одобрительное… Мне он тоже начинал нравится. Такой… обстоятельный мужик. Вернее, головорез.

Есть! Я дождался своего момента! Резко сброшенный с руки щит врезался Торгильсу в левую лодыжку. Он не успел. Не ждал, что я использую щит как снаряд. Ему бы просто ногу убрать, но он не захотел останавливать атаку, попробовал защититься собственным щитом и опоздал совсем чуть-чуть. Но – опоздал. Досталось ему неслабо. У меня бы от такого удара точно перелом случился. У Торгильса кости попрочнее… Но равновесие он всё же потерял. На долю секунды. А я – воспользовался. Мой любимый удар ногой в щит. С прыжка. Снизу под умбон… И Торгильс грянулся на пол. С грохотом и лязгом. Вдобавок получив краем щита по челюсти.

Настоящий рыцарь, конечно, дал бы ему подняться. Но я – не рыцарь, а простой викинг. Потому едва Торгильс оказался на полу, как моя нога придавила к мозаике его правую руку, а меч нырнул под бороду и легонько царапнул шею…

А в следующий миг я уже протягивал ему свободную руку – помочь подняться.

Принял. Вскочил бодренько. Продолжим?

Нет, с ножкой у хёвдинга – не очень. Болит ножка. Очень.

Торгильс, конечно, виду не подал. Кинул меч в ножны, ухмыльнулся, дохнул смрадно:

– А волчонок-то – с зубками!

– Девку-то – уступишь? – негромко поинтересовался я.

– Что, глянулась?

– Есть немного.

– Ну так забирай! – расщедрился Торгильс. – А славно мы с тобой схлестнулись, Черноголовый! Проводи меня, а то что-то в ногах слабость. Видать, стар стал Торгильс, чтобы пить, как прежде. Эх, было бы не вино это глупое, а наше доброе пиво!..

И заковылял к своему месту, тяжело опираясь на мое плечо. Неужели я ему все-таки сломал ногу?

Девочку звали Селестиной, и шевалье Жилю она доводилась двоюродной племянницей. Был у нее и жених: тот самый парень, который порывался отнять ее у Торгильса.

Очень хорошенькая девочка с ласковыми и умелыми руками. Помогла мне обработать многочисленные ссадины и синяки. Нет, секса у нас не было. И не

потому, что мне – не хотелось. Да, денек выдался тяжелый. Но не настолько… И уверен: малышка, уютно устроившаяся в моих объятиях, не стала бы противиться. И дрыхнувший на полу Вихорёк тоже не стал бы помехой – паренек спал без задних ног.

Но едва мои губы ощутили нежную кожу девичьего горлышка, как мое же боковое зрение зафиксировало некий мистический силуэт.

Старина Белый Волк глядел на меня весьма неодобрительно. Морщил морду и демонстрировал зубки.

Не понял! Какое дело высшим силам до моих маленьких развлечений? Или это глюк на почве слишком долгого воздержания?

Я мигнул – и белый призрак пропал. Но вместе с ним пропало и желание. Разом заныли все полученные за день повреждения…

Я отодвинулся, и замершая пойманной птичкой француженка тихонько вздохнула и расслабилась.

И заговорила. Быстро и не очень внятно, поскольку спрятала личико где-то в районе моей бороды. Так что понимал одно слово из трех. Но смысл уловил. Меня благодарили. И за спасение от чудовища. И за деликатность по отношению к девушке, обещанной другому (или типа того), и за тепло… Да, именно так: за тепло. Эту фразу я понял целиком. И тут ж вспомнил другую историю и другую девушку. Та, другая, из двадцать первого века, была мало похожа на эту. И говорила совсем другое…

– Тебе, Коля, плевать на других! Твоя машина тебе и то дороже, чем я!

– Интересная формулировка, Мариш, – заметил я. – Можно подумать, мой круг общения – ты одна.

– Не цепляйся к словам! – Подружка сердилась, и ей это шло: щеки разрумянились, глазки блестели, грудка соблазнительно вздымалась. – Я не глупее тебя!

Вероятно, это правда. Бакалавр-психолог, заместитель начальника отдела кадров серьезной фирмы, умна, решительна и при этом весьма недурна внешне. Даже то, что она всё время пыталась рулить, нам не очень мешало. Главное – не относиться к этим попыткам всерьез.

И насчет машины она права. Моя «импреза» обошлась мне почти в два миллиона. Мариша – существенно дешевле.

– У тебя нет друзей! – заявила моя подружка. – Одни приятели! Тебе даже на родителей наплевать! Им нет дела до тебя, а тебе – до них!

– Почему ты так решила? – Я даже удивился.

– Мы с тобой полгода вместе, а ты ни разу с ними по телефону не говорил!

– Ты уверена?

– Во всяком случае – при мне!

– У них свои дела, у меня – свои, – я пожал плечами.

Да и зачем телефон, если есть скайп.

– Вот именно! У тебя есть ты и твои дела! И всё!

– А как насчет тебя?

– А меня у тебя – нет! – отрезала Мариша. И скрестила загорелые ножки. – Мною ты только пользуешься! Даже сейчас ты меня совсем не слушаешь. Только и думаешь, как бы меня трахнуть!

– А ты об этом не думаешь? – улыбнулся я.

Мариша смутилась и даже опустила глазки. Потому что я – угадал. Еще бы! За полгода я ее неплохо изучил.

– Всё! – воскликнула Мариша, вскакивая с диванчика и гордо вскидывая подбородок. Она приняла решение. – Я ухожу! Не звони мне больше! Найди себе какое-нибудь другое тело, чтобы его трахать! С меня хватит! С тобой холодно, Николай! Я ухожу, потому что не хочу стать таким же куском льда, как ты!

Всунула ножки в туфельки и бросилась к двери, пока я не успел возразить. Последнее слово – это важно.

Я не стал ее ловить на полпути. Хотя мог бы.

– Ключ оставь на тубочке! – крикнул я вдогонку.

И она снова появилась в дверях. Как я и предполагал.

– Держи свой поганый ключ! – Будь у меня похуже реакция, схлопотал бы точно в переносицу.

Всё. Сбежала. Красива, умна, темпераментна. И последнее слово – за ней.

А я – такой холодный, расчетливый мерзавец… Если забыть, с чего начался наш разговор. А начался он с того, что я предложил встретить Новый год на горнолыжном курорте в Чехии, а Мариша нацелилась на шоп-тур в Эмираты.

И всё-таки она меня задела. «С тобой – холодно!»

Наверное, со мной действительно было холодно. Элегантной и прагматичной Марише. И многим другим. Во многом она была права. Николая Григорьевича Переляка в первую очередь интересовал Николай Григорьевич Переляк. Не она первая мне об этом говорила.

«Ты – волк-одиночка, – сказал мне в свое время любимый тренер по фехтованию. – Команда тебе не нужна».

А сколько раз моя собственная матушка обзывала меня самодовольным эгоистом? Да не счесть! И каждый раз, когда ее планы не совпадали с моими.

С отцом было проще. Ему от меня ничего было не нужно. Даже когда я сам предлагал. Ему было вполне достаточно того, что я – есть.

Но до Мариши никто не говорил мне, что со мной – «холодно»…

И до этой французской девочки, которая сейчас мирно спала, уткнувшись носиком мне в шею, никто никогда не говорил, что со мной «тепло».

Ночь прошла относительно спокойно. Пару раз кто-то колотился в двери и орал всякую непотребщину, но я, не открывая, направлял горлопана к воронам, и тот удалялся. И еще беспокоили вошки, обитавшие в мягком монашеском тюфяке.

Пришлось утром устраивать санобработку. Себе и Вихорьку заодно.

А в целом хорошо прогулялись. У меня серебра уже столько, что зараз не унести. А ведь поход только начался…

Глава седьмая

Норманский бунт, безжалостный и бездоходный

– К воронам тебя, Железнобокий! Я – свободный ярл и делаю, что пожелаю! Отдай мне мое, Рагнарссон!

Хрондю Красавчик. Рожа кирпичного цвета и такой же кирпичной формы исполосована грубыми шрамами. Говорят: с белым медведем пообнимался. Происхождение – свей. Призвание – злодей. Профессия – разбойник. Точнее – «морской» ярл. Что, впрочем, одно и то же.

Мы снова вместе с Бьёрном Рагнарссоном, нашим формальным предводителем. Идем вверх по Луаре. Еще та работенка: веслами против течения. А для разнообразия раза три в день марш в водичку – драккар с мели стаскивать. Хорошо хоть водичка теплая – лето. Но время – теряем. А ведь мы спешим. Хочется нам поспеть к стенам Нанта внезапно. Так что идем быстро, старательно «зачищая» свидетелей. Не всех, понятное дело, однако вряд ли местные холопы, укрывшиеся в речных зарослях, побегут докладывать о нас начальству. Отсидятся в кустиках, возблагодарят Господа за то, что – миновало, и вернутся к повседневной работе. Что нищему средневековому крестьянину до хозяина-феодала? Видит он его редко… Да и сроду бы не видел, потому что, когда баронская охота промчится по его полю, радости в этом маловато. А еще меньше – когда осенью «сборщики налогов» заявятся. Так что не побежит крестьянин к феодалу – предупреждать. А прирежут проклятые язычники барона-графа – и вовсе праздник. Лишь бы до его, крестьянской, лачуги не добрались!

Но кроме крестьянского нищего сословия есть и другие. Побогаче. Этим есть что терять. Потому они сразу дадут деру – под защиту городских стен. И там – ворота на запор, кипяток на стены, катапульты – на изготовку. А стены у Нанта – ох крепкие!

Но вернемся к «морскому» ярлу Хрондю.

Прошлой ночью наша доблестная армия почивала после трудного дня. Под охраной бдительных стражей, коих в силу разномастности нашей избирали по жребию. Парням Красавчика выпала третья стража. Но Хрондю обязанностями пренебрег. Примерно часика в два пополуночи его драккар снялся с якоря и отправился вверх по Луаре.

Не исключено, что к подобному выкидону Хрондю-ярла подвиг наш успех. Однако представьте себе удивление моих соратников, проснувшихся от звуков боя (по воде звук идет очень даже хорошо) и обнаруживших отсутствие охраны. А также умеренных масштабов драку как раз там, куда мы намеревались двигаться завтра.

Естественно, была дана команда «подъем». Некоторое время наши разведчики обшаривали окрестности в поисках умельцев, бесшумно снявших часовых, и

вражьей армии, намеренной атаковать нас, спящих.

Никого, естественно, не нашли. Ни ловких диверсантов, ни (среди прочих «морских» ярлов) корабля Хрондю Красавчика.

Бьёрн, обычно спокойный, как индийский слон, сообразил, что к чему, и слегка озверел.

Наше воинство, наскоро оправившись и облачившись в железо, без завтрака отправилось вверх по течению. Туда, где хирд Красавчика схлестнулся с неизвестным противником.

Как раз рассвело, когда мы вышли к догорающему селению и увидели наших коллег, скопившихся вокруг каменного обиталища местного синьора.

Там было весело. Наскоро вырубленный таран долбил стену нехитрого строения, а несколько десятков северян пытались по приставной лестнице (родная была разрушена) добраться до расположенного на трехметровой высоте входа. Защитники швырялись в атакующих разными предметами и поливали наиболее доступной (в отсутствие смолы и кипятка) субстанцией. Дерьмом.

– Руки обрубить свиньям! – сердито посулил мой ярл Хрёрек.

– У свиней нет рук, – заметил Ульфхам Треска, заслуженный хольд и командир ярловой гвардии. – Я бы им яйца отрезал и продал румлянам. Они хорошо платят за глупых евнухов.

– Чего они так? – вполголоса спросил у меня Скиди, который по молодости не усмотрел в действиях Хрондю криминала. Ну захотел свободный викинг пограбить… Нормальная ситуация!

– Отсюда до Нанта – рукой подать, – пояснил я. – Бьёрн рассчитывал подойти к городу скрытно и взять их тепленькими. А этот сын помоечного тролля и безмозглой овцы так нашумел, что теперь в Нанте наверняка знают, что мы – близко. И успеют подготовиться. Да здесь все теперь знают, что мы – рядышком. Следовательно, соберут все ценное и рванут за надежные стены. В тот же Нант. Так что теперь вместо жирных монахов и полных сокровищниц нам достанутся

только пустые скорлупки монастырей.

Головной драккар Хрёрека выполз на песчаный берег почти одновременно с остальными кораблями нашего хирда. Мы были последними, кому нашлось место. Остальные были вынуждены удовольствоваться отмелью метрах в тридцати от берега.

К этому времени люди Бьёрна Рагнарссона уже миновали селение и бодрой рысцой устремились к замку. Его защитникам можно было посочувствовать. От хирдманнов Красавчика они, возможно, отбились бы, но отборное войско Рагнарссона – это трендец.

Местный барончик это понял мгновенно. В окошко немедленно выкинули белый флаг.

Головорезы Хрондю радостно заорали: в ратных хлопотах они даже не заметили подкрепления. Но радость их длилась недолго. Бойцы Бьёрна оттеснили их от ворот и приняли капитуляцию сами.

Хрондю из баронского выкупа не досталось ни одной монетки.

Так что на общем сборе он немедленно сделал нашему главному лидеру предъяву.

Зря. Бьёрн был и без того не в духе.

– Твое?! – прорычал Железнобокий. – Ты должен был нас охранять! Вот это было – твое. А ты сбежал! За одно это тебя следует сунуть в волчью яму, Красавчик! А если бы на нас напали франки?

– Ха! Франки! – заорал Красавчик. – Да они сидят за своими стенами и ждут, когда мы придем и возьмем их золото. Отдай нам нашу долю, Железнобокий! Мы загнали этого кабана, а ты пришел и содрал с него шкуру!

– Можно я его убью? – попросил старшего брата Хальфдан Рагнарссон.

– Много чести, – буркнул Бьёрн, который наконец сообразил, что переругиваться с Хрондю ниже его достоинства.

Наконец до туповатого Хрондю доперло, чем пахнет. И он закрыл волосатый ротик.

У Бьёрна явно руки чесались: прикончить мерзавца.

Однако просто прирезать его Рагнарссон не мог. Это не понравилось бы другим «морским» ярлам.

– Будь ты воином, я спросил бы с тебя как с воина, – сказал Красавчику Бьёрн. – Но ты сбежал, как крыса. Крыса ты и есть. С крысы я спрашивать не стану. Убирайся и помни: увижу тебя еще раз – раздавлю сапогом. Как крысу.

И пошел завтракать.

А Красавчик со своими загрузился на корабль и двинул к противоположному берегу – от греха подальше.

Но свое гнусное дело он сделал. Весть о том, что проклятые язычники появились в Нантском графстве, распространилась подобно пожару. И все, кто мог, немедленно отступили под защиту мощных нантских стен. Действительно мощных. Разведчики наши подобрались к ним совсем близко и, вернувшись, составили подробное описание.

– Это хорошо, что все мышки собрались в одной норке! – самонадеянно заявил Хальфдан. – Не придется собирать их запасы по всей земле франков.

Но остальные, в частности наш ярл и руководитель похода Бьёрн, оптимизма младшего Рагнарссона не разделяли. Зависнуть на месяцы под стенами Нанта, положить половину войска… А там, глядишь, еще какое-нибудь франкское воинство подоспеет. Тот же Карл Лысый. С Рагнаром ему, возможно, и не сладить, а вот с нами – легко. То есть не легко, конечно. Драка будет мощная. Но закончится скорее всего не в нашу пользу.

Так что я был готов собственноручно отвертеть голову этой жадной и глупой твари Хрондю. И не я один. Вовремя он убрался.

Словом, перспективы у нас были нерадужные. Впору развернуть драккары и двинуть обратно.

Мне эта мысль показалась небезынтересной. Добычу мы взяли неплохую, а там, на Сёлунде, меня ждала прекрасная невеста…

Увы, в девятом веке умеренность не входила в скандинавские добродетели. Робко высказанное предложение не поддержал никто. Как же можно уходить, если веселуха только начинается?

И тут жизнь в очередной раз продемонстрировала свою полосатость. Нашему войску привалила удача. Вернее, приехала. На хорошем франкском жеребце.

Именовалась удача графом Ламбертом.

Глава восьмая,

в которой хускарл Ульф Черноголовый становится еще богаче

Граф Ламберт Нантский. Вернее, бывший Нантский. Король Франции Карл лишил Ламберта этого законного владения. Послал, как говаривали в мое время, в дальнее сексуальное путешествие. Без выходного пособия.

Естественно, граф обиделся. И рассердился. Но дать волю своему гневу не рискнул… до нашего появления. А тут такой прекрасный повод!

Вот что обида делает с человеком! Графу было глубоко пофиг, что мы – язычники и чужестранцы. Оскорбленное самолюбие (и тоска по утраченному имуществу) сжигало его изнутри, напрочь испепелив все мысли о загубленной душе и прочих мелочах. Какая на хрен душа, когда речь идет о целом графстве!

Дикие язычники и добрый христианин Ламберт нашли общий язык легко и непринужденно. Выпили, закусили, обсудили детали. Условия договора были просты, как закуска датского рыбака. Всё, что будет взято, – наше. Всё, что останется, включая сам город Нант и окрестности, – Ламбертово.

По-моему, граф был готов еще и приплатить, лишь бы воткнуть шило в задницу ненавистного короля Карла и подлых нантцев, не поддержавших графа в его законных, как он полагал, правах.

Но приплачивать графа не заставили. Он и так внес неплохую долю в общий котел. Свою личную дружину в количестве трехсот головорезов. И замечательную идею о том, как задрать его неверной женушке подол. Под «женушкой» подразумевался Нант, а под «подолом» – солидные каменные стены, вставшие над правым берегом Луары.

Большой город не станет сам себя сажать в осаду без необходимости. Останавливать торговлю, завоз припасов, въезд-выезд и прочее. Даже появление где-то в окрестностях значительного вражеского войска ничего не меняет. Тем более если идет активный процесс своза ценностей под защиту городских стен. А стены у Нанта, как сказано выше, отличные. При правильно организованной обороне хрен возьмешь. Тем более что следует учитывать специфику нашего войска. Норманы – парни крутые. Смерти не боятся, врага нашинковать – легко и с удовольствием. Надо – под кипяток полезут, под стрелы, под смолу горящую. Но только если есть шанс добраться до ворога. А тупо перемалывать войско под крепкими стенами может позволить себе какой-нибудь европейский король или азиатский халиф. Нормальный норманский конунг будет в этом случае громко послан или окажется вынужден сам переть на стену в первых рядах. А первым, как известно, лучшие куски. В том числе и каменюки с бревнами, коими осажденные ломают лестницы и головенки атакующих. При всей немереной крутости тех же Бьёрна с Хальфданом и их твердой уверенности в поддержке Одина, склонности к самоубийству у Рагнарссонов замечено не было. Под горячий смоляной дождик они не пойдут.

Единственный вариант – напасть внезапно. Пока ворота не заперты, посты не расставлены, смола не разогрета… Тогда хоть какой-то шанс.

Вопрос – как?

Все подходы по суше стараниями поганца Хрондю теперь кишмя кишели заставами и патрулями. О нашем появлении узнали бы загодя и приняли меры. А сама Луара именно в это время года мало подходила для судоходства. Сплошные мели, камни и прочая гадость. Представьте себе: наша флотилия драккаров и кнорров, ощупью пробирающаяся в этом речном лабиринте. В виду городских стен. Обхохочешься.

И что теперь делать?

Оказалось, да. Делать. Есть вариант. У обойденного с наследством Ламберта.

Фишка состояла в том, что господин граф и его люди были коренными нантцами и прекрасно знали фарватер. Замаскировать большие кнорры под купцов. А затем – вверх по течению, с попутным ветерком или без оного, зато под управлением грамотных лоцманов.

Риск был изрядный. Если в городе просекут, что мы не купцы, а вороги, то наши кораблики враз окажутся под огнем крепостных орудий. Одна бочка с горящей смолой, разбившаяся о палубу, – и конец кнорру. Да и от стрел толком не укрыться. Словом, дерзость необычайная. На то и был расчет.

Наш хирд в передовую группу не взяли. Бьёрн не то чтобы обиделся за ограбленный без него монастырь, но зарубку в памяти сделал. Брата Хальфдана он отослать в арьергард не мог, а нас – запросто.

Хрёрек в общем не возражал. Если план Ламберта не сработает, лидерам будет обидно и больно. Смертельно больно.

Ветер был попутный. Повезло. Лишенные характерной национальной принадлежности – зубастых носовых украшений, корабли скользили вверх по течению с отменной быстротой. Граф Ламберт был на флагмане. Вместе с Бьёрном Рагнарссоном, завернувшимся для конспирации в большой трофейный плащ, взятый в Ванне. Все прочие были замаскированы не хуже. Даже грести хирдманам было велено с прохладцей. Дабы по могучему маху в них не признали северян.

Надо сказать: фальшивые купцы были далеко не единственными судами, рассекавшими Луару в этот ветреный день. Рыбаков и торговцев хватало. И почти все пенили воду так же бодро, как и наш флот. Никто ничего не заподозрил…

Когда мы, задние, увидели стены Нанта, кораблики Бьёрна уже входили в гавань. Спокойно так, неспешно, сбросив ход. Надо полагать, ребятишки Ламберта перекидывались словечками с местной братвой. На хорошем средневековом французском.

В гавани же кипела мирная жизнь. И ворота Нанта – настежь… Неужели получилось?

Один за другим пузатые морские суда швартовались к берегу. И вопреки обыкновению норманов, никто сходу не бросался в бой. Бьёрн понимал: надо накопить силы, а уж тогда…

«Тогда» наступило, когда у нантского причала встал восьмой кнорр, а вдали, на излучине, показались первые носы норманских драккаров. Однако поскольку характерные носовые фигуры с них были сняты, то признать в них сходу драккары викингов мог только очень заинтересованный и внимательный специалист. Специалистов в Нанте хватало. Заинтересованных – тоже. Внимательных не нашлось.

Люди Ламберта и замаскированные викинги Бьёрна выгрузились на берег. И сразу двинулись к воротам. Народ почтительно расступался перед вояками… И всё бы получилось, если бы кто-то из местных не признал Ламберта и не выразил свое открытие громким воплем, который тут же подхватили другие нантцы.

Опальный граф не смутился. Приветливо помахал народу латной перчаткой… Но старший привратной стражи, видимо, не относился к числу сторонников графа. И дал команду закрыть ворота перед носом «законного» нантского правителя. Неудивительно. Графа ведь сопровождал изрядный воинский отряд, а охрана города была составлена из лояльных королю людей. А как же иначе?

В общем, ворота начали закрываться, и Бьёрн подал сигнал к атаке. Голосом подал – с такой глоткой никакой рог не нужен.

И началось.

Передовой отряд ринулся к воротам. Из трюмов полезли бородатые страшилы-викинги, расхватывая на ходу фрагменты штурмовых лестниц. Вариант «закрытые ворота» был просчитан заранее.

Когда это необходимо, норманы могут двигаться весьма проворно. Вопли разбежавшихся аборигенов, грозный рев северян… Поверхность воды быстро «проводит» звуки. Викинги тоже не тормозят. Карабкаются по лестницам с потрясающей скоростью. В городе еще толком не поняли, что происходит, а наши ребята уже на стенах.

И ворота уже вскрыты с помощью собранного из подручных материалов тарана. Видать, их и закрыть толком не успели.

Наши драккары летели птицами. Ветер вздувал паруса, энергично крутились весла… Лоцмана у нас не было. Да и ни к чему. Мы шли в кильватере у идущего впереди драккара. И так – вся цепочка. Опытные кормчие не ошибались. Ни один из наших корабликов не выскочил на мель и не сел на камни.

Мы очень торопились, но поспели к финалу, так что места в гавани уже не осталось. Ярл дал команду, драккары свернули к берегу и выскочили прямо на песок. Мои соратники тут же посыпались с бортов и неорганизованной толпой устремились к городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Для интересующихся – монастырь на острове Мон-Сен-Мишель.

2

Инглинги – одна из самых влиятельных и древних династий конунгов. Прародитель – некто Ингве Фрей, чья родословная, в свою очередь, восходит непосредственно к Одину.

3

Гигантский волк Фенрир – сын бога Локи и великанши Ангбоды. Этот красавец в процессе заковывания (обманом, естественно) в цепи уже оттяпал руку богу войны Тюру, а во время грядущего светопреставления Рагнарёка именно он сожрет Одина.

4

Более подробно эта история рассказана в первом «Викинге».

5

В смысле – с юга.

Купить: https://tellnovel.com/aleksandr-mazin/krov-severa

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити